

елена ЛОГУНОВА

Спокойно, Маша,
я Дубровский!

Елена Логунова
Спокойно, Маша,
я Дубровский!
Серия «Индия Кузнецова», книга 7

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170244

*Логунова Е. Спокойно, Маша, я Дубровский!: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-25643-3*

Аннотация

Любвеобильный братец Индии Казимир не придумал ничего лучшего, как пригласить сестру на... кладбище – хоронили одну из его любовниц, и ловелас опасался мести обманутого мужа. Там к нему подошла парикмахерша покойной Нина Сигуркина и поделилась подозрениями: Машеньку подменили, в гробу совсем другая женщина! Казимир не поверил этому бреду, и напрасно – на следующий день Нину нашли в ближайшей лесополосе, и теперь она вполне могла составить компанию своей клиентке... Неужели парикмахерша была права?

Содержание

1	4
2	30
3	48
4	52
5	55
6	59
7	61
8	73
9	81
10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Елена Логунова СПОКОЙНО, МАША, Я ДУБРОВСКИЙ!

1

– Вот зар-раза!

Я с силой хлопнула дверью и с трудом удержалась, чтобы не пнуть мусорную урну.

– Не получилось? – легко расшифровал мою пантомиму Зяма.

– Холера, – огорченно повторила я вместо ответа и скорчила зверскую гримасу в сторону окна, за которым в прохладе кондиционированного кабинета сидела зараза, она же холера, она же бухгалтер девелоперской компании «Жилье» Марьяна Залеская.

Эту противную тетку с носом тукана и глазами аллигатора я люто возненавидела после первой же нашей встречи. Тогда эта туконо-крокодилиха отказалась выплатить мне честно заработанные деньги, на которые я твердо рассчитывала. Настолько твердо, что даже заказала знакомой, живущей в ЮАР и периодически приезжающей на родину предков на побывку, привезти мне оригинальное колечко с аметистом

особой африканской огранки. Знакомая не подвела, колечко привезла хорошенькое на загляденье, но мерзкая Марьяна прокатила меня с деньгами, и эксклюзивное украшение уплыло в буквальном смысле в чужие руки. Это было тем более обидно потому, что денежки, зажатые гадкой Марьяной, я отработала с блеском, способным посрамить юарский аметист.

В прошлом месяце мы с братцем Зямой сваяли для «Жилья» роскошный рекламный буклет. Братишка-дизайнер взял на себя художественную часть, а я вдохновенно написала безудержно хвалебный текст, в который задним числом с большим удовольствием внесла бы поправки. В частности, теперь я написала бы название обидевшей меня девелоперской фирмы «Жилье» через букву «у» и с легкостью аргументировала бы необходимость такого изменения. Определенно, Марьяне Залесской гораздо больше пойдет быть бухгалтером фирмы «Жулье»! Сегодня она второй раз продинамила меня с деньгами, ссылаясь на временные финансовые трудности компании.

– Эх, Дюха! – покачал головой Зяма. – Не знаешь ты правильного подхода к казначеям и ключницам, учить тебя еще и учить! Смотри, как это делает мастер!

Братишка одернул на себе модную трикотажную рубашечку, легкой поступью взошел на крыльцо, толкнул дверь с табличкой «ООО „Жилье“» и исчез в прохладном сумрачном холле.

– Мастер-фломастер!

Я презрительно фыркнула, но возможностью поучиться у известного специалиста по охмурению материально ответственных лиц женского пола пренебрегать не стала, с какой целью переместилась под окно Марьяниного кабинета и прижалась ухом к затемненному стеклу.

Наш Зяма искренне считает себя гениальным дизайнером. Это вполне нормально, ибо самоуверенность и творческие амбиции – наши фамильные черты. Несколько удивляет меня только то, что регулярно находятся не единокровные нам, Кузнецовым, чудачки, которые разделяют Зямино мнение. В результате у великого Казимира Борисовича всегда есть высокооплачиваемые заказы.

Как свободный художник, Зямочка вынужден совмещать творчество с коммерцией, так что в выбивании денег из клиентов он изрядно поднаторел. Правда, дизайнерскими услугами Зямы чаще пользуются состоятельные дамы, а эти ценительницы прекрасного готовы раскошелиться за одну только возможность лишней раз встретиться с моим обольстительным братцем. По не вполне понятным мне причинам, Зяма имеет у женского пола такой сокрушительный успех, который при переносе его на поприще искусства обеспечил бы моему братишке прижизненный памятник и немеркнущую славу в веках.

Впрочем, я сильно сомневалась, что хваленое мужское обаяние поможет Зяме охмурить Марьяну Залесскую. Эта

женщина производила впечатление бесполого робота, запрограммированного исключительно на самоотверженное служение бухучету.

– Здра-авствуйте, Марьяночка Игоревна! – бархатным голосом напел Зяма, внедряясь в кабинет моей врагини.

– Здравствуйте, Казимир Борисович, – сухо приветствовала его бухгалтерша.

Мне стало ясно, что Зямины мужские чары на Марьяну не действуют. Он, очевидно, тоже это понял и мгновенно сменил тактику, добавив в бархатный голос искренней озабоченности:

– Надеюсь, давешнее падение монгольского тугрика не подорвало финансовую крепость вашей компании?

– Вот шельмец! – с завистливым восхищением прошептала я.

Финансовая крепость родной компании волновала госпожу Залесскую гораздо больше, чем все казановы и донжуаны мира, вместе взятые. Упоминание неустойчивого монгольского тугрика в связи с финансовыми делами фирмы повергло бухгалтершу в растерянность.

– Н-нет, не сказалось, – пробормотала она, встревоженно хмурясь.

В программе бухгалтерского робота случился сбой, и Зяма немедленно этим воспользовался.

– Я очень рад! – заявил он. – Собственно, я и не сомневался в надежности вашей фирмы. Конечно, трагическое обру-

шение тугрика не могло повлечь за собой финансовые проблемы ООО «Жилье». Ну-с, раз так, я готов получить свой гонорар!

Зяма потер ладони и с подкупающим простодушием уставился на Марьяну. Она открыла рот и через пару секунд закрыла его, так ничего и не сказав. Со смешанным чувством досады и восхищения я увидела, что бухгалтерша потянулась к сейфу.

– Спиши слова! – велела я сама себе и полезла в сумку за блокнотом и ручкой.

Едва я успела зафиксировать чудодейственную фразу про трагическое падение тугрика, на крылечко вышел Зяма. Он победно улыбался и потрясал в воздухе денежными купюрами, которые для пущего моего раздражения развернул пышным веером.

– Видала? – обмахнувшись гонораром, торжествующе спросил братец. – Учись, пока я жив!

– Одолжи на два дня пару тысяч, – хмуро попросила я. – Мне Бронич послезавтра зарплату обещал.

Бронич, или Михаил Брониславович Савицкий – это мой шеф, директор рекламного агентства «МБС». Он отличный мужик, только малость жадноват, так что с него станется задержать обещанную зарплату на денек-другой. Собственно, именно в расчете на послезавтрашнюю встречу с Броничем я списала Зямино заклинание про шаткий тугрик. Авось пригодится.

– Одолжу, но с одним условием, – на удивление легко согласился братец. – Ты отправишься на кладбище!

Я вскинула брови: Зямыны слова меня неприятно удивили. Нет, я понимаю, конечно, долги выбивать надо, но не так же жестко! За пару тысяч загонять в могилу единственную родную сестру?! Такого я от братишки не ожидала.

– Понимаешь, долг чести обязывает меня появиться на похоронах, но я никак не могу пойти туда один, – невнятно объяснил Зяма.

Похороны никогда прежде не казались мне церемонией, в которой категорически недопустимо участие одиноких граждан. Я сказала об этом Зяме, и братец опустил глазки, как застенчивая девица, а его лицо на участках, свободных от затейливо пробритой щетины, покрылось трогательным румянцем.

– Э-э-э, видишь ли, Дюха, – смущенно сказал он. – Хорошат даму с приличной репутацией. А я состоял в особых отношениях с покойной.

– Живых тебе уже мало? – Я не удержалась от шуточки в духе черного юмора.

Зяма – знатный ловелас и сердцеед, не отягощенный моральными принципами и почтением к институту брака. В связи с этим было даже странно слышать, что он называет адюльтер «особыми отношениями». Как раз для него такие отношения вполне обычны.

– Дюха, это очень серьезно, – поморщился братец. – Муж,

то есть теперь уже вдовец, серьезный дядька, его лучше не дразнить. Представь, что он может подумать, если увидит на похоронах в тесном кругу родных и близких совсем постороннего парня?

– Он может подумать, что парень не совсем посторонний, – кивнула я. – Так, может, и не стоит тебе соваться в тесный круг родных и близких?

– Ты что? – Зяма обиделся. – Я же не мерзавец какой-нибудь! Как я могу не проститься с женщиной, которая подарила мне множество прекрасных минут!

– Часов и ночей, – я снова кивнула. – Ну а я-то тебе там зачем?

– Так ты же будешь моим прикрытием! – Зяма понял, что я склонна принять его условие и усилил нажим. – Мы притворимся, будто это не ты со мной, а я с тобой пришел. А ты назовешься какой-нибудь Машенькиной подружкой, одноклассницей или однокурсницей. К тебе-то муженек ревновать не станет!

– Ладно, уговорил, – сказала я. – Гони денежки.

Зяма с готовностью отслюнил пару купюр, но я этим не удовлетворилась и бесцеремонно выдернула из его денежного веера еще одну бумажку:

– А это мне на траурный наряд! Нельзя же идти на похороны в белых шортах!

– Да, мне тоже нужно переодеться, – засуетился братец. – Все, Дюха, разбегаемся, жду тебя в половине второго на цве-

точном рынке у Славянского кладбища!

– Необычное место для свидания, – пряча денежки, хмыкнула я. – Но будь по-твоему!

Зяма порысил в сторону дома, а я пошла на троллейбусную остановку. В отличие от братишки, я вынуждена более или менее регулярно ходить на службу в присутствии – в уже упоминавшееся выше рекламное агентство «МБС». Это обстоятельство не приводит меня в безумный восторг. Особенно в тяжелый день, в понедельник, дополнительно омраченный сорокаградусной жарой.

Трясаясь в переполненном троллейбусе, я с прискорбием думала о том, что рекламы моющих средств и дезодорантов на нашем телевидении явно маловато и она недостаточно эффективна. Некоторые пассажиры благоухали так, словно всю предыдущую неделю безостановочно преодолевали длинные дистанции без всякой помощи колесного транспорта, в процессе марафонского бега обильно потев и не имея ни единой свободной минутки на мытье и переодевание.

В попытке уменьшить количество и интенсивность улавливаемых мною миазмов, я задрала нос повыше. Дышать стало легче, но теперь я могла видеть только потолок. Это было не настолько интересное зрелище, чтобы увлечься им на все двадцать минут поездки, но я честно постаралась выжать из него максимум. Внимательнейшим образом рассмотрела трещинки на пластике, пытаюсь увидеть в них воображаемые картины в технике «гравюра». По возможно-

сти вспомнила астрономию и нашла определенное сходство между созвездием Орион и черными точками, которые оставили на потолке горелые спички самозваных пиротехников. Но наибольшего моего внимания удостоились едва заметные буквы, которые я нипочем не заметила бы при других условиях. Среди микроскопических трещинок по потолочному пластику змеилась блеклая карандашная надпись: «Стань богатой – 2486».

Этот загадочный призыв заинтриговал меня настолько, что я перестала брезгливо морщить нос, приговаривать: «Фу!» – и демонстративно обмахиваться ладошкой.

Неожиданная загадка мучила меня больше, чем запах немых тел. Я едва не сломала голову, пытаясь понять, в чем тут суть. Какова связь невыразительного набора из четырех цифр с приобретением богатства?

Думать, что 2486 – это сумма, на которую можно или нужно разбогатеть, не хотелось, потому что две с половиной тысячи рублей на сокровище не тянули. Впрочем, это могли быть не рубли, а, скажем, евро. Нет, лучше английские фунты, они дороже. Я приблизительно пересчитала две тысячи восемьдесят шесть британских денег на родные рубли по текущему курсу и решила, что сто пятьдесят тысяч «деревянных» в кармане позволили бы мне чувствовать себя богатой примерно пару месяцев. Мысль о том, что за числом 2486 могут стоять не добротные английские фунты, а какие-нибудь падучие тугрики, я решительно отогнала. Да простят

меня потомки Чингисхана, но тугрики и богатство казались мне несовместимыми понятиями.

Впрочем, определенные надежды на эти самые тугрики я все-таки возлагала. Мне не терпелось узнать, какое впечатление произведет заковыристый вопрос с упоминанием монгольских денег на нашего Бронича.

К сожалению, шефа не было на работе. Меня это не удивило: вчера в офисе сломалась сплит-система. Она была старая, а новую купить шеф пожадничал и теперь спасался от жары и упреков сотрудников где-то в другом месте.

В офисе сидела, точнее, обморочно лежала в кресле, моя коллега Зоя Липовецкая. Она придвинула вплотную к столу вентилятор и с мокрым полотенчиком на лбу походила на тяжело раненного авиатора в подбитом аэроплане. Выглядело это так печально, что я не сдержала жалостливый стон:

– О-о, Зочка! Тебе плохо?

– Врать не буду, мне нехорошо, – не открывая глаз, проворкотала коллега. – Да и тебе тоже сейчас поплохееет.

Она слегка оживилась и даже разлепила ресницы, чтобы увидеть, как мне станет дурно.

– Звонил Бронич, – сообщила коллега.

Это известие я перенесла стойко. Подумаешь, Бронич звонил! Великое дело!

– Куда звонил, в пожарные колокола? – уточнила я, мужественно сохраняя спокойствие.

– Нет, в офис, – ответила Зойка.

Ее жиденькое чувство юмора на жаре окончательно испарилось.

– Шеф велел нам срочным образом придумать забойный текст для рекламы стоматологической клиники.

– Упс, – выдохнула я, опускаясь в свое кресло.

Поначалу задача не показалась мне слишком сложной. Я даже успела выдать на-гора гениальную, как мне показалось, заготовку: «Стоматология „Дракула“. Специализируемся на ортодонтии глазных клыков». К сожалению, дальше этого псевдоготического пассажа дело не пошло – жара пересушила все родники моего творчества.

– Фирма называется «Мегадент», – подсказала Зойка.

– Что в переводе означает «Огромный зуб», – сказала я и задумалась.

Упоминание суперзуба в единственном числе меня сильно смущало. Возникло резонное предположение, что заведение ориентировано на оказание специализированной стоматологической помощи исключительно бобрам и кроликам со сросшимися резцами. Или это не элитная стоматология, а примитивная зубодралка, после посещения которой у пациента остается всего один зуб? Я озвучила свои мысли Зойке, и ее раскрасневшееся лицо осветила блуждающая улыбка.

– «Если вы все время улыбаетесь, то вы либо слабоумный идиот, либо пациент клиники „Мегазуб“, – тут же придумала я, используя зарисовку с натуры.

На мой взгляд, содержащийся в данной фразе посыл был

совсем неплох, но Зойка со мной не согласилась, и полтора часа, оставшиеся до обеденного перерыва, мы провели в вялых и бесплодных прениях на тему супермегарекламы.

Ровно в тринадцать ноль-ноль я отклеила зад от стула и отправилась в ближайший торговый центр, чтобы пройти экспресс-курс моральной и физической реабилитации в кондиционированных залах модных лавок. Поход увенчался успехом, на сезонной распродаже в магазинчике женской деловой одежды мне удалось по бросовой цене приобрести очень приличное черное платье-«чехол». Изящный кружевной воротничок смягчал общую строгость фасона, позволяя причислить платье к универсальным нарядам типа «и в пир, и в мир». Понятие «пир» я нынче трактовала достаточно широко, подразумевая под ним, в частности, похоронную тризну.

Возвращаясь на работу в послеполуденную жару я не стала, в назначенный час встретила в условленном месте Зяму и под ручку с братцем отправилась на похороны его бывшей подруги. Об усопшей я знала только, что при жизни она не была верной супругой и откликалась на милое имя Машенька.

– Думаешь, этой скудной информации о покойнице хватит, чтобы убедительно изобразить ее подружку? – шепотом спросила я Зяму, когда мы побрели вдоль длинной вереницы дорогих автомобилей к месту последнего приюта милой Машеньки.

– Ах, оставь! – отмахнулся братец, трагически кривя губы.

Он уже вошел в образ и показательно печалился. Я старательно скопировала его гримасу, от себя добавив к ней скорбно заломленную бровь.

– Вряд ли кто-то станет спрашивать тебя о Машеньке, но, если что, ты наверняка что-нибудь придумаешь, – сказал Зяма.

Я не стала с ним спорить. Что-нибудь придумать – это я могу. У меня генетическая предрасположенность к более или менее буйным фантазиям – спасибо мамуле. Она у нас знаменитая писательница, успешно работающая в жанре литературного кошмара.

К тому моменту, когда мы с Зямой непринужденно влились в толпу людей в черном, я в общих чертах набросала свою легенду. Если кто спросит, я Машенькина подружка по песочнице.

– Может, все-таки по детскому саду или по школьной парте? – покритиковал меня Зяма, кровно заинтересованный, чтобы я не провалилась.

– А ходила ли Машенька в садик, тебе известно? И в какой школе она училась, ты знаешь? – отбрила я. – Вот я нахально назовусь ее одноклассницей, и тут вдруг выяснится, что Машенькина альма-матер – британский пансион для благородных девиц. А я никогда не бывала на берегах туманного Альбиона и по-английски говорю, как африканский зулус! Нет уж, лучше я про песочницу врать буду. Про куличики,

про ведерки и лопатки... В конце концов, каждый ребенок хоть раз в жизни ковырялся в песочнице!

– И эти единственные совместные посиделки в песочнице так тебе запомнились, что землеройная тема оказалась актуальной и двадцать лет спустя?! – съязвил Зяма, опасливо покосившись на мужиков с лопатами, испачканными жирной кладбищенской землей.

Вскоре выяснилось, что Зяма не напрасно боялся проверки на вшивость. Через минуту-другую после того, как мы с братишкой скромно притулились за широкими спинами кладбищенских копачей, к нам подкрался несимпатичный двухметровый детина. Его бандитскую наружность не сумели облагородить ни длиннополый пасторский сюртук, ни швейцарский хронометр, ни черные очки из модной коллекции.

– Кто такие? – спросил он басом, тактично приглушенным до шмелиного гудения.

Багровую ряху любопытного господина подпирал тугой белый воротничок, при одном взгляде на который свободолюбивый Зяма начал задыхаться. Возможно, поэтому братец промолчал, предоставив почетное право ответа на прозвучавший лобовой вопрос мне одной. Колоритная наружность братка меня немного напугала, и потому я ответила не так гладко, как планировала:

– Я подруга ее детства, – правой рукой я плавно повела в сторону гроба, левой в аналогичном режиме указала на при-

тихшего брата. – А он мой собственный друг!

– Не детский, – зачем-то уточнил Зяма.

Бандюга, ряженный пастором, насмешливо хрюкнул. Я подкатила глаза, вздохнула и с надрывом, который не смогли бы явить даже чеховские три сестры оптом, сказала:

– Как сейчас помню, сидим мы с Машенькой в песочнице. У меня ведро, у нее лопатка... Кто бы мог подумать, что она уйдет так рано!

– Из песочницы? – после секундной паузы уточнил бандит.

Теперь смешливо хрюкнул Зяма, но я вовремя наступила ему на ногу каблуком, и неуместное веселье братца засохло на корню.

– Из жизни, – без тени улыбки ответила я и показательно всхлипнула.

– А сильна ты, май систер, в драматических ролях! – с уважением сказал братишка, когда впечатленный моим актерским мастерством громила отчалил в сторону.

Впрочем, ушел он недалеко: подгреб к благопристойному господину в полном трауре и что-то зашептал ему на ушко, некультурно указывая мясистым пальцем на нас с Зямой.

– Дюха, я думаю, мы в достаточной мере отдали долг памяти усопшей Машеньке! – занервничал братишка. – Предлагаю уже начинать отступление!

– Стой где стоишь! – сердито прошипела я сквозь зубы. – Начнем драпать – вызовем еще большее подозрение, тогда

уж точно нас догонят и морды набьют!

– Как минимум, – пробормотал Зяма и поежился, забыв о жаре. – Эти граждане и пристукнуть могут!

– Ты их знаешь? – опасливо поинтересовалась я.

– Нет, но думаю, что тот, что пониже ростом и в полном трауре – безутешный вдовец, а шкаф рядом с ним – его личный охранник, – прошептал Зяма и окончательно сник.

Это добавило убедительности его собственной актерской игре. Громила и его хозяин немного посверлили нас взглядами, но мы очень натурально скорбели, и вскоре они потеряли к нам интерес.

– Вот теперь сбегай, возложи цветочки, и будем потихоньку отходить, – шепнула я брату.

Зяма воздел повыше свои гвоздички и нетвердой поступью пьяной мажоретки побрел к гробу, где показательно грустные граждане с букетами образовали небольшую очередь. Братишка недолго топтался в ней замыкающим, к нему быстро пристроилась худосочная дамочка с фантазийной стрижкой в богатой цветовой гамме тигровой шкуры. Она потянулась вишневыми губками к Зяминому ушку, и мой непутевый братец мгновенно оживился, расправил плечи, засверкал очами. Мне осталось надеяться только на то, что блеск его глаз окружающие объяснят для себя мужественно удержанными слезами.

– Казанова несчастный! – ядовито прошипела я, царапая крыловидные лопатки тощей дамочки острым взглядом и

мысленно приказывая ей отвалить куда подальше.

Худышка оказалась удивительно восприимчива к моему ментальному сигналу. Пошептавшись с Зямой всего минуточку, дамочка поспешно отошла в сторону, даже не оставив в предписанном ритуалом месте пару бордовых роз. Краем глаза я проследила за тем, как она ушла по аллее, занятой автомобилями из траурного кортежа, и уже не в первый раз подумала, что братец мой – совершенно незаурядный мужчина. Надо же, после такой короткой беседы с ним впечатлительная женщина напрочь позабыла, зачем вообще пришла на кладбище!

– Надо предложить мамуле написать биографию любимого сына – бестселлер «Казимир Кузнецов как воплощение жизнелюбия и неиссякаемый источник позитивной энергии»! – съехидничал мой внутренний голос.

Я кивнула. Право, стань Зяма психоаналитиком, он мог бы возвращать к жизни толпы суицидально настроенных дурочек! По-моему, есть только две женщины, которым он не способен заморочить голову: это я и наша мамуля.

Впрочем, я тоже ощущала некоторое головокружение, только причиной его были не Зямины чары, а жуткая жара.

В два часа пополудни под июльским солнцем на кладбище было жарко, как в аду. Впору было позавидовать китайцам (или японцам?), у которых традиционным траурным цветом является белый! Осмотревшись, я поняла, что промахнулась с покупкой черного суконного платья с подобающим слу-

чаю скромным вырезом. Прочие дамы без стеснения надели дырчатые кружевные блузки, легкие сарафаны на тонких бретельках и очень-очень маленькие черные платьица. Хотя все эти наряды были приличного черного цвета, легкость мануфактуры и фасона делали их гораздо более подходящими для вечернего выхода с танцами и обжиманцами. В толпе легкомысленно разряженных дамочек я выглядела смиренной монашенкой.

Зато у меня был самый красивый спутник! Надо отдать должное Зяме, на фоне других мужчин он смотрелся, как фламинго среди пингвинов. Не только потому, что ни один другой джентльмен не облачился в моднейший костюм из розового льна. Просто наш Зяма действительно хорош собой: высокий, с отличной фигурой и приятной скуластой физиономией, которой напускная скорбь придала обольстительной томности. Я прямо залюбовалась братишкой, когда он пошел возлагать цветы к ногам своей усопшей подруги.

Другие граждане на него тоже засматривались. У большинства, чуждого высоких художеств, розовый колер плохо ассоциировался с трауром. Однако Зямина рубашка под пиджаком жизнерадостного цвета была чернильно-черной, и в этом сочетании угадывалось что-то глубоко символическое, намек на близкое соседство цветущей молодой жизни и темного праха.

Зяма чуток задержался у гроба, по дизайнерской привычке формируя в домовине гармоничный букет, но я недол-

го оставалась одна. Бочком-бочком, как маленький краб, ко мне приблизилась невысокая брюнетка с распущенными волосами русалки азиатского происхождения. Угольно-черные волосы отчасти закрывали излишне обнаженные плечи и чересчур смелое декольте, в глубине которого взволнованно вздымалась силиконовая грудь.

– Это твой? – хриплым шепотом спросила она, кивком указав на Зяму, сноровисто формирующего в районе белых тапочек классическую экибану из алых и белых гвоздик.

– Мой, – подтвердила я, не найдя в себе сил отречься от родного брата, даже если он ведет себя, как суший идиот.

Брюнетка глубоко и отчетливо завистливо вздохнула, шумно сглотнула слюнки и спросила еще:

– И как он?

– Так себе, – дипломатично ответила я.

– Вижу, ты не в восторге? – оживилась она. – Может, махнемся? Предлагаю ченч!

– То есть обмен? – Я вынужденно применила свой зулусский английский. – А чем меняться, я не поняла?

– Ты что, глупая? Мужиками, конечно! Чем же еще! – брюнетка фыркнула, как выдра. – Ты уступишь своего дуся мне, а я своего – тебе!

– А где твой дуся? – невольно заинтересовалась я.

– В Париже, – легко ответила брюнетка.

– В Париже? – Я задумалась.

Дуся, в нагрузку к которому идет столица Франции, опре-

деленно, мог рассматриваться как объект заманчивой бартерной сделки. А я пока что девушка свободная, лишь отчасти связанная обещанием в обозримом будущем выйти замуж за симпатичного милицейского капитана Дениса Кулебякина. Однажды он хитростью вырвал у меня соответствующую клятву, но при этом не сообразил ограничить мою девичью свободу конкретными временными рамками. Так что в ближайшие десять-двадцать лет я, думается, вольна распорядиться собой. Вполне могу включить в перспективный пятилетний план развития своей жизни парижского дусю.

– А он у тебя кто? – Любопытство мое заметно возросло.

– Он лес, – непонятно сказала брюнетка и послала воздушный поцелуй Зяме, который как раз закончил сеанс похоронной флористики и обернулся ко мне в надежде получить одобрение своих трудов.

– В смысле, полный дуб? – огорчилась я.

К сожалению, терпеть не могу дураков и не умею скрывать свое к ним отношение, а это сильно сужает диапазон поисков потенциального спутника жизни.

– Дуб, – согласно кивнула брюнетка. Она завела глаза и скороговоркой, как девочка, повторяющая затверженный стишок, протарахтела:

– Дубравы, ельники, сосняки, пихтарники, бучины и грабовники! И еще каштановые рощи, хотя об этом лучше не говорить, так как каштановая древесина является особо ценной и законодательно запрещена в рубку. Мой дуся – лесной

король юга России.

Это была очень интересная и, в общем, греющая душу информация. Мне только неведомые грабовники не понравились, как-то неприятно они называются... Мысленно я попробовала на вкус небанальное словосочетание «лесная королева российского юга», дополнила его собственным именем – «Индия Кузнецова» – и решила, что знакомством с парижским дусей пренебрегать не стоит.

– Так, дуся моя. Ты со своим на поминках будешь? – деловито спросила брюнетка, копошась в своей сумочке.

– Не знаю, – растерялась я – главным образом от того, что незнакомка назвала меня дусей.

Это имя более или менее органично вписывалось в длинный ряд моих домашних прозвищ: Дюша, Индюся, Индуска... Впрочем, у брюнетки это, похоже, было универсальное имечко для знакомых любого пола, ведь лесного короля она тоже называла дусей.

– Как это – ты не знаешь, будете ли вы на поминках? Должны быть, – твердо заявила легкомысленная подруга лесного короля и вручила мне визитную карточку.

На серебристой картонке красивыми золотыми буквами с вензелями были вытиснены всего два слова: «Дарья Павелецкая». Никакого титула к имени не прилагалось (а так хотелось приписать внизу: «Просто дуся»!).

– Слава богу, поминки будут попозже, ближе к ночи, в нормальном кабаке с кондюками, – вяло обмахнувшись ла-

дошкой, сказала нежная дуся Даша.

Голос у нее был низкий, с волнующей хрипотцой. Я не поняла, то ли Дашенька нарочно так говорит, чтобы больше соответствовать образу женщины-вампи, то ли у нее какие-то проблемы с гортанью. Наверное, все-таки выпендривается.

– Ночной клуб «Планида» знаешь? – эротично шептала мне роковая женщина. – Встретимся там в одиннадцать. Если вас охрана задержит, звони, я проведу. Нет, лучше подходите не в одиннадцать, а в двенадцать, а то вдруг самолет задержится, и мой песик припоздает. Короче, в полночь ты должна появиться. Но только не позже!

– Что, поминки ограничены регламентом? – съязвила я.

– Да нет, просто, если ты не поторопишься, мой дуся может успеть положить глаз на какую-нибудь другую кралю, и все, ты в пролете! Мой дуся, знаешь, какой приставучий? К понравившейся бабе цепляется, как репей к собачьей заднице!

Зяма вернулся непритворно опечаленный. Физиономия у братишки была почти такая же пасмурная, как в тот незабываемый вечер двадцатипятилетней давности, когда мы после долгих усилий добрались до верхней полки мебельной стенки, где вызывающе красовался шоколадный набор, привезенный папулей из Австрии. Хорошенькие шоколадные бутылочки мы жадно слопали, а содержащуюся в них жидкость без церемоний вылили в раковину, за что папуля устроил нам грандиозную нахлобучку, потому что жидкость,

к которой мы отнеслись с великолепным пренебрежением, являлась редким дорогим коньяком. Мне тогда было без малого пять лет, а Зяме целых семь. Старший брат благородно взял вину на себя, но готовился к этому моральному подвигу почти полдня и имел при этом глубоко задумчивый вид. Это нетипичное для него выражение лица запомнилось мне даже крепче, чем папулина ругань.

Теперь, глядя на пасмурную физиономию братца, я сочла нужным его утешить:

– Ну-ну, Зямка, не надо так убиваться! Машеньку ты уже не вернешь, придется взять себя в руки и научиться жить без нее.

Это была дурацкая фраза, но лучшей я не придумала. Как и следовало ожидать, опечаленного Зяму мои слова ничуть не утешили. Братец продолжал хмурить брови, кривить губы, играть желваками на щеках и всяко иначе уродовать свою мужественную физиономию. Он даже не заметил плотоядных взглядов, которыми охочая до новых знакомств брюнетка Дашенька обволакивала его с ловкостью голодной орхидеи-мухоловки. Кокетливая красавица попыталась разделить Зямин минорный настрой, сокрушенно прошептала: «Ах, бедная Машенька, как смерть меняет человека, ее не узнать!», но Зяма не обратил на мою новую знакомую никакого внимания. Я расценила это как очень плохой признак и всерьез забеспокоилась о душевном состоянии братца.

Я решила, что мой сестринский долг – вывести Зяму из

апатии, и стала думать, как это сделать.

«Элементарно, Ватсон! – без запинки подсказал мне внутренний голос. – Если любвеобильного Зяму так опечалило удаление Машеньки, надо быстренько произвести замену на поле».

Накануне я до глубокой ночи вынужденно смотрела по телу футбол, до которого огорчительно охоч мой друг капитан Кулебякин, и терминология спортивной игры запала мне в душу.

– А кого же выпустить на замену? – Я машинально огляделась по сторонам и увидела все ту же брюнетку.

Стоя в пяти шагах от нас, она облизывала Зяму влажным взглядом примерно так, как это делал бы с гигантским чупа-чупсом маленький сладкоежка. Было видно, что красавица готова заменить Зяме не только покинувшую его персональный фан-клуб подругу Машеньку, но и целую команду отличных игроков со всеми тренерами и массажистами.

– До вечера! Еще увидимся! – обрадовавшись, что решение нашлось само собой, я дружески помахала красавице ручкой и потянула братишку прочь от толпы.

Совесь, робко укорявшая меня за то, что в моей программе посещения поминального обеда запланированы такие нетрадиционные пункты, как собственное перспективное знакомство с лесным королем (это раз) и выдача любопытной брюнетке Дашеньке охотничьей лицензии на Зяму (это два), умолкла. Спасение дорогого и единственного бра-

та от черной меланхолии следовало признать миссией благородной и высокогуманной. Из тех, ради выполнения которых вполне допустимо нарушить нормы этики.

Я предупредила Зяму, что вечером мы с ним в обязательном порядке идем на поминки в ночной клуб, и он, как мне показалось, приободрился. Мы условились встретиться дома за ужином, а затем расстались у гостеприимно распахнутых кладбищенских ворот. Зяма укатил на своем скутере, а я вызвала по телефону такси и в ожидании машины спряталась под сень ветвей плакучей ивушки. На открытых участках кладбища было так жарко, словно температурный режим подбирался в специальном расчете на нераскаявшихся грешников с целью скорейшей их адаптации к посмертному пребыванию в адском пекле.

В ивовом шатре нашелся вполне удобный гранитный валун. Я убедилась в отсутствии на нем букв и цифр и с чистой совестью присела на камень, который вроде не был могильным.

Сидя на приятно теплом гранитном валуне, я сквозь завесу зеленых ветвей поглядывала на дорогу, чтобы не упустить свое такси. Машину запросто могла перехватить особа, выжидательно переминающаяся на другой стороне дороги. По приметной трехцветной шевелюре я узнала ту самую дамочку, которая бессовестно отвлекала моего братца от ритуального возложения цветов к ногам усопшей Машеньки. Тигрово-полосатая дамочка явно тоже спешила убраться с

кладбища, для чего призывно махала ручкой каждому проезжающему мимо автомобилю, за исключением только катафалков. Вскоре какая-то машина, большая, серебристо-серая, любезно остановилась, дамочка уехала, и долгожданное такси досталось мне в единоличное пользование.

2

Зяма не пришел к ужину. Напрасно папуля в ожидании припозднившегося едока добрый час держал на медленном огне эксклюзивные тыквенно-бараньи бифштексы, которые никак не могли перенести повторного разогрева без непоправимого ущерба для пикантного вкуса. Бифштексы едва не пригорели, но Зяму так и не дождались. Папуля, который в порыве кулинарного вдохновения растиражировал свое новое изобретение в количестве семи порций, сильно расстроился. Я утешила его как могла – съела один бифштекс за себя, один за бабулю, у которой некстати прихватило живот, и еще два отнесла любимому бассету капитана Кулебякина. Сам Денис ранним утром умотал в краткосрочную командировку, и Барклай остался на моем попечении.

Я выполнила дежурный хозяйский долг добросовестно и даже с избытком. Я не только сводила Барклая погулять, но даже позволила ему насладиться тесным и, надо думать, результативным общением с пуделихой, хозяйка которой – противная баба Клавдия Васильна из второго подъезда – привязала свою бедную собаку к лавочке на солнцепеке и пошла в тенистую беседку трепаться с другими старухами. Сквозь зеленую стену до меня без помех доносился ее елейный голос: Клавдия Васильна ругательски ругала современных девиц, бесстыже щеголяющих в узких брюках, коротких

облегающих платьях, юбках с разрезами и прозрачных блузках с декольте. По ее мнению, в сорокаградусную жару гораздо уместнее было бы облачиться в рейтузы по колено, корсет со шнуровкой, длиннополую рясу с капюшоном и глухую паранджу. Вот это был бы в высшей степени приличный наряд! Особенно если дополнить его красивыми аксессуарами в виде ежовых рукавиц, водолазного шлема и стального пояса верности с пудовым замком.

Мой собственный костюм являл собой квинтэссенцию ненавистного бабке легкомысленного стиля: на мне были тугие шортики с разрезами и короткая дырчатая маечка с глубоким вырезом. Монолог Клавдии Васильны мне закономерно не понравился, но озвучивать свое недовольство я не стала. Просто отвязала истомленную жарой пуделиху, отпустила ее порезвиться с Денискиным бассетом, и славные животные без всяких понуканий с моей стороны устроили акцию протеста против притеснения здоровой сексуальности.

Не зря говорят: «Больше дела, меньше слов». Деятельная пуделиха выполнила свою программу-максимум быстрее, чем ее болтливая хозяйка. Постфактум я снова привязала разомлевшую собаку к той же лавочке и увела восвояси довольного Барклая.

Зяма еще не вернулся, но в мое отсутствие он звонил на домашний телефон и попросил папулю передать мне, что все идет по плану, мы с ним встретимся в полночь. Эта интригующая формулировка профессионально заинтересовала ма-

мулю.

– Как зловеще это звучит – «встретимся в полночь!» – радостно ужаснулась она. – Дети, я чувствую, что в вашей жизни происходит что-то кошмарно интересное!

Слегка помявшись, мамуля спросила, нельзя ли ей тоже пойти с нами на кошмарно интересную полночную встречу (неважно с кем, хоть с самим Синей Бородой. Даже хорошо, если с самим Синей Бородой!), но тут вмешался папуля. Он язвительно и одновременно не без мечтательности сообщил, что, хотя у него лично борода не синяя, а рыжая с проседью, это не мешает ему при определенных условиях проявить себя страшным ревнивцем, тираном и деспотом, способным в отношении глупой женщины на карательные санкции вплоть до полного ее, этой самой глупой женщины, смертоубийства. Сообразительная мамуля сразу поняла, что ее полночный поход незнамо куда однозначно приравнивается к упомянутым особым условиям, и перестала набиваться в компаньонки. Меня это только порадовало. В обществе мамули мне было бы гораздо сложнее арканить лесного короля: маман у нас дама шикарная, она даже в свои пятьдесят два даст фору иной голливудской старлетке. Лесной король вполне мог запать не на меня, а на мамулю, что ударило бы разом и по ее репутации, и по моему самолюбию. В общем, я с тихим злорадством посоветовала родительнице в темное время суток держаться ареала распространения законного супруга и позвала с собой в ночной клуб Алку Трошкину.

Алка с ее наружностью хронически зябнувшего воробушка не могла составить мне серьезную конкуренцию, а вдвоем идти веселее.

Трошкина барышня воспитанная, и предложение заглянуть без приглашения на поминальную вечеринку в ночной клуб ее шокировало, но только пока я не сказала, кто, собственно, героиня печального торжества. Узнав, что усопшая Машенька была любовницей Зямы, Алка сразу же перестала кочевряжиться и побежала одеваться к выходу.

Я предвидела такую реакцию и даже рассчитывала на нее. Дело в том, что в прошлом году Трошкина тоже имела неосторожность примерить на себя роль сердечной подруги моего беспутного братца. Это был бурный роман, завершившийся не менее бурным разрывом. Инициатором расставания стала, как ни странно, Алка, которой до смерти надоело закрывать Зяму своим хрупким телом от сонма поклонниц. Братец был глубоко потрясен тем, что на сей раз не он ушел, а его «ушли». Ощущение брошенности было для него внове, так что Зяма изменил своему принципу «уходя – уходи» и до сих пор в паузах между новыми романами пытается подкатить к Трошкиной. Иногда эти его попытки имеют успех, но он всегда временный. В общем, отношения у Алки и Зямы очень и очень непростые. Как и следовало ожидать, моя подружка не могла упустить возможности увидеть свою соперницу. Тем более в гробу!

Правда, Трошкина, надо отдать ей должное, сумела

скрыть свою радость по поводу того, что Зямино сердце столь экстренно освободилось. Приличия ради она показательно закручинилась и даже нашла научно обоснованный повод изобразить недовольство.

– Знаешь, Инка, – озабоченно сказала она, стоя у зеркала и с помощью распрямляющего средства для волос и лака соорудив классическую прическу наемной плакальщицы. – Демографические исследования показывают, что уровень смертности в нашей стране составляет порядка 14 процентов. Я не могу ручаться за точность своих подсчетов, но у меня получается, что из каждой сотни женщин детородного возраста ежегодно умирают две или три.

– Да, – кивнула я. – Это не может не удручать.

При этом я смотрела на Алку и под удручающим зрелищем подразумевала главным образом ее внешний вид.

Трошкина подошла к созданию образа с добросовестностью заслуженного костюмера «Мосфильма». Мало того что она распустила волосики серым дождиком, она еще и краситься не стала. А как оделась! Бабушкина плиссированная юбка до щиколоток, туфли без каблука и водолазка с длинными рукавами. Все, разумеется, черное, как замыслы серийного маньяка. Я понадеялась, что мы встретим во дворе соседку Клавдию Васильну. Трошкина, в ее нынешнем виде, вполне могла реабилитировать в глазах старшего поколения легкомысленную современную молодежь.

– Я не об этом, – Алка отмахнулась черным газовым шар-

фиком, который решила прихватить с собой в качестве полезного аксессуара. – Я просто вспомнила, что в прошлом году твой брат уже потерял одну подругу, царство ей небесное. Как ее звали, не помню.

– Леночка, – подсказала я, не сомневаясь, что Трошкина помнит прошлогоднюю историю с Леночкой не хуже меня.

В прошлом году Зяма не просто трагически потерял подругу, он едва не лишился свободы, потому что попал под подозрение в убийстве этой самой Леночки. Тогда только наши с Трошкиной слаженные и самоотверженные действия спасли Зяму от продолжительной командировки в места не столь отдаленные¹. В эпилоге он угодил не на нары, а в Алкину кровать, где, впрочем, не залежался, но об этом я уже говорила.

– Я к тому, что за год с небольшим в мир иной перешли уже две Зямыны подруги, – объяснила Алка. – Если сопоставить этот факт со статистикой женской смертности в целом по стране, можно предположить, что у твоего братца в этом году было порядка сотни баб!

Трошкина хмуро посмотрела на меня. Она, конечно, знала, что идеи свободной любви Зяма продвигает в женские массы с большим энтузиазмом, но об истинных масштабах этой сексуально-просветительской деятельности, похоже, не подозревала.

– Ты так считаешь? – Я слегка задумалась.

¹ Читайте об этом в романе Е. Логуновой «Банда отпетых дизайнеров».

Проверить Алкины логико-математические выкладки я не собиралась. В конце концов, это она, а не я была отличницей-медалисткой, большой любительницей алгебраических шифрограмм. Я-то всегда воспринимала задачи с интегралами и логарифмами как произведения орнаментальной живописи и не видела в начертании этих изящных закорючек никакой иной цели, кроме сугубо декоративной. Так что я не усомнилась в точности Алкиных подсчетов, но и не особенно удивилась результату.

– Ну, сотня контактов в год – это не так много, – протянула я, не желая сверх меры расстраивать Алку сообщением о том, что данный показатель находится в пределах моей собственной нормы.

Только я, в отличие от Зямы, предпочитаю количеству партнеров качество отношений. То есть из множества мужчин выбираю одного, любимого.

«Или двух-трех! – тут же съехидничал мой внутренний голос. – Наиболее любимых!»

Я живо цыкнула на него и успокаивающе сказала расстроенной Трошкиной:

– Примерно восемь женщин в месяц – это не астрономическое число. Самый захудалый турецкий султан далеко опережает Зяму по данному показателю.

– Никогда не поеду в Турцию! – сурово шмыгнув носом, заявила на это Алка.

– Это, конечно, большая потеря для султанов! – хмыкнула

я.

Трошкиной хватило юмора оценить шутку, она тоже захихикала, и в такси мы погрузились со смешками, которые сильно диссонировали с нашим траурным шмотьем. Водитель всю дорогу посматривал на странноватых пассажиров с недоумением и, видимо, гадал, кто же мы такие – помешавшиеся от горя безутешные вдовушки или беззаботные девушки-готты.

Вечеринка, на которую мы прибыли, производила столь же смутное впечатление. Портал ночного клуба сиял неонам, у входа сверкали огнями обвитые новогодними гирляндами пальмы и увешанные ювелирными украшениями красотки, вполне сопоставимые по росту с пальмами. Девушки выглядели так вульгарно, что я в своем классическом маленьком черном платье, которое еще минуту назад казалось мне слишком маленьким для данного конкретного случая, почувствовала себя воплощением безупречного вкуса. Траурный наряд Трошкиной смотрелся не столь элегантно, но зато абсолютно точно соответствовал канонам жанра. Дядька с черной повязкой на рукаве, до нашего появления с немим укором взиравший на разряженных девок, при виде стопроцентно трагической фигуры Трошкиной просветлел челом и встретил нас, как родных. Как родню покойной Машеньки, я хочу сказать.

– Сочувствую! Примите мои глубокие и искренние соболезнования, – зашептал он на ушко Алке, которую самолич-

но повлек во внутренние покои дворца разноплановых ночных торжеств.

Благодаря этому мы без проблем миновали здоровенных парней на входе. Нас они пропустили, а сунувшихся за нами красоток в бусах длиннее мини-юбок выпроводили нелюбезными словами:

– Гуляйте мимо, шалавы!

Семенящим шагом (хореографию ставила мелкая Трошкина, отягощенная приставучим господином, которого ей никак не удавалось стряхнуть со своего локтя) мы проследовали в пиршественный зал. Его убранство было выполнено в эклектичном стиле, который мой брат-дизайнер определил бы как смесь поздней готики со среднерусским ярмарочным лубком.

Большой зал с каменными стенами, задрапированными черным бархатом и гобеленами, слабо освещали люстры из тележных колес, подвешенных на цепях. Там и сям маслянисто блестели полированным металлом здоровенные мечи, секиры и топоры викингов. За чугунной решеткой огромного декоративного камина пугающе растопырились фрагменты разлапистой коряги, очевидно, брутально порубленной тем самым могучим топором викинга. Все это мрачное великолепие своеобразно оживляли скатерти, вышитые пасторальным восточно-славянским крестиком, хрустальные чаши с янтарной икрой, белые с красным косоворотки официантов и полуведерная деревянная братина, расписанная в палех-

ском стиле. Трошкина несколько обалдело улыбнулась медвежьим чучелам, которые симметрично здоровякам-охранникам караулили дверь с внутренней стороны, и, секунду помедлив, взяла с подноса ближайшего к ней мишки серебряную стопочку.

– Чувствую, мне понадобится наркоз! – сказала она, оправдывая нехарактерный для нее позыв выпить с разбегу.

Я обвела взглядом полутемный зал, в дальнем конце которого под торжественные и печальные моцартовские аккорды непринужденно вальсировали заметно нетрезвые пары, мысленно согласилась с Алкой и тоже хлопнула стопарик.

Как это часто бывает на свадьбах и поминках, толпа гостей была неоднородной. Среди загорелых фигуристых дам и поджарых джентльменов попадались вполне простецкие тетки и дядьки. Их роднил общий для всех присутствующих цвет одежды, разница была только в том, что одни были в «откутюрном» черном с золотом и бриллиантами, а другие – в дешевом черном с люрексом и бусинами. Мы с Трошкиной органично вписались в тусовку: она пополнила ряды низших классов, а я (хотелось думать) умножила число светских дам. Загар у меня был, макияж и маникюр тоже, волосы я уложила аккуратным низким узлом, а отсутствие бриллиантов, если что, можно было объяснить соображениями такта. Ведь правда же поминки – не лучший повод вывести в люди содержимое мамулиной шкатулки с драгоценностями!

Впрочем, это мое мнение разделяли не все. Гламурная брюнетка Дашенька, с которой я познакомилась на кладбище, добавила своей внешности блеска, нацепив ожерелье с большими прозрачными камнями. Мне очень не хотелось думать, что это бриллианты (просто потому, что моя скоропостижная смерть от приступа зависти вряд ли сделала бы тусовку более приятной).

– Конечно, это не бриллианты, что ты! – успокоила меня брюнетка.

И тут же ранила в самое сердце:

– Это перуанские алмазы, – она поправила ожерелье и похвасталась: – Дуся подарил.

– Кто?

– Лес!

– Так. – Я мигом вспомнила, зачем пришла, и цепко оглядела зал. – И где тут он? Твой щедрый лесной дуся?

– Пойдем, познакомлю! – Брюнетка сцапала меня за руку, но я уперлась, не спеша трогаться с места:

– Сначала покажи!

Хотя я никогда прежде не зналась с дровосеками высокого полета, простая эрудиция подсказывала, что лес бывает разный. Одно дело – мачтовая сосна или вековой дуб, совсем другое – карликовый бонсай или кривая полярная березка! Культивировать хилую мелкорослую растительность я не желала. Даже в том случае, если она периодически плодоносит перуанскими алмазами.

Дашенькин «лес» оправдал мои худшие ожидания. Он оказался невысоким упитанным мужиком с такими толстыми щеками, что между ними почти бесследно потонули более мелкие неровности физиономии: вялый ротик, носик-пимпочка и глазки-изюминки. Лицо короля русского леса было поразительно похоже на мучнисто-белую, как непروпеченная булка, задницу. Эту физиологическую аномалию нисколько не скрывала, а только подчеркивала нелепая прическа: седоватые волосы задолицевого мужа были зачесаны вверх и в стороны наподобие буклей и обрамляли то место, где у других бывает физиономия, толстым валиком. Белая салфетка под складчатым подбородком усиливала впечатление, будто стилист беззастенчиво слизал образ короля русского леса с парадного портрета Людовика Солнца.

– Он дуся, правда? – хихикнула Дашенька, с умилением извращенки любуясь его лесным величеством.

– Кому как, – уклончиво ответила я.

Русский лес сосредоточенно тянул через трубочку коктейль и за этим занятием, на мой взгляд, был бы гораздо более уместен не в шумном зале ресторана, а в уединенной клизменной.

– Тебе не нравится? – забеспокоилась брюнетка, оценив выражение моего лица.

Я не смогла признаться, что нахожу физиономию лесного короля поразительно похожей на любовно ухоженное розовое седалище, и проямлила:

– Прическа у него не очень...

– Это Сигуркиной работа, – фыркнула Дашенька. – Супермастер, можно подумать! Раньше она была в фаворе, но с полгода назад жутко неудачно постригла жену олигарха Беримаскова, и VIP-клиенты от нее побежали, как тараканы. Остались только такие замшелые консерваторы, как мой «лес». А ведь я ему говорила: «Дуся, с твоим оригинальным лицом без филированных пейсиков не обойтись!»

Мне-то казалось, что филированные пейсики украсили бы Дусяно в высшей степени оригинальное лицо не больше, чем банный лист распаренную задницу, но я тактично промолчала.

– А где твой-то? – спохватилась Дашенька.

Это был хороший вопрос. Время уже перевалило за полночь, а Зяма еще не появился. Или появился?

Я просканировала помещение максимально внимательным взглядом и в дальнем конце зала, среди пар, чинно танцующих под реквием, высмотрела типа, весьма похожего на моего братца. Фигура у него была точь-в-точь Зямина – рост под сто девяносто сэмэ, широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги, но вот голова... Лица парня, ориентированного ко мне спиной, я не видела, но прическа у него была не Зямина. У Зямки длинные, слегка волнистые русые волосы с легким мелированием, а у этого красавца был ярко-рыжий хвост. На моей памяти братишка никогда не менял природный цвет своей шевелюры столь радикально.

Задумчиво склонив голову к плечу, я созерцала зямоподобного парня, пока он не обернулся. Это был мой дорогой брат, точно. Его скуластую физиономию я могла бы перепутать разве что с божественным ликом Брэда Питта, но вообразить себе Питта рыжим, длинноволосым и почти двухметровым было свыше моих слабых женских сил.

Встретив мой неотступный взгляд, Зяма распрощался с партнершей по ритуальным танцам и подошел ко мне.

– Привет, Дюха! – сказал он и звонко чмокнул меня в щеку, заодно шепнув на ушко:

– Не смотри на меня, как на фамильное привидение!

– Но ты рыжий! – шепнула я в ответ. – И загорелый, как Бандерас! И глаза у тебя почему-то черные!

– За Бандераса спасибо, но свои черные глаза я купил в магазине «Оптика», это однодневные кроющие линзы, – скороговоркой объяснил Зяма. – Загар, правда, мой собственный, а вот рыжий цвет волос тоже одноразовый, спасибо оттеночному гелю. Как по-твоему, меня в таком виде можно узнать?

– Узнать – нет, запомнить – да! – ответила я и глазами указала рыжеволосому черноглазому братцу на Дашеньку, которая взидала на него с благоговейным восторгом.

– Ах, Дюха, не время для этого, – пробормотал Зяма. – Пardon, мадам!

Он по-гусарски четко поклонился и снова убежал на дансинг. Я выгнула брови, не в силах осмыслить прозвучавшую

фразу. Я не ослышалась, Зяма сказал, что ему некогда знакомиться с красивой женщиной?!

«Это может означать только одно: он уже плотно занят знакомством с другой красивой женщиной», – высказал свое веское мнение мой внутренний голос.

Это вполне могло сойти за объяснение. Я обернулась к Дашеньке, опоздавшей к раздаче, и развела руками:

– Извини.

– Что, и этот дуся тоже твой?! – завистливо спросила блистательная брюнетка, провожая голодным взором роскошную фигуру моего ветреного брата.

– Мой, мой, – рассеянно согласилась я.

– Везет тебе! – Дашенька вздохнула, как девочка, которой страшно приглянулась новая кукла подружки.

Не дожидаясь, пока она попросит у меня разрешения поиграть с моей ходящей и говорящей рыжей куколкой, я подалась в сторонку и употребила все свое дипломатическое искусство на то, чтобы освободить бедную Трошкину из плена активно соболезующих ей граждан.

Глубокий траур сыграл с Алкой злую шутку – очень многие из присутствующих приняли ее за наиболее близкую и максимально скорбящую родственницу покойной Машеньки. Ошибка была вполне объяснима, я лично не увидела в большом зале никого, кто выглядел бы сиротливее и печальнее Трошкиной.

Примерно таким же несчастным выглядел только не по

годам лысый парень с фотоаппаратом. Его физиономия была мне смутно знакома. Очевидно, мой образ тоже навевал фотографу какие-то не вполне отчетливые воспоминания, потому что он со мной заговорил, но как-то неуверенно. Чувствовалось, что парень тоже не помнит, где и при каких обстоятельствах мы с ним встречались.

– Привет! Ты тоже тут? – спросил он.

Вопрос был идиотский. Из чистой вредности мне захотелось дать соответствующий ответ. Я не лишила себя этого маленького удовольствия и сказала:

– Нет, что ты! Я сейчас в другом месте, а это высококачественное голографическое изображение!

– Понятно, – фотограф смутился и поспешно отошел от меня в дальний угол, откуда – я заметила это – несколько раз сверкнул в мою сторону вспышкой.

Я знала, что томная бледность мне к лицу, а маленькое черное платье – ко всему остальному, и не стала возражать против неожиданной фотосессии, даже наоборот, попозировала и с Зямой, и с Алкой, и с Дашенькой.

Трошкину буквально атаковали соболезнующие. Из вежливости она покорно слушала слова сочувствия, но смотрела при этом исключительно на Зяму, рыжая голова которого пламенела в сумраке скудно освещенного дансинга так, что невостробованной коряге в камине впору было обзавидоваться. Зяма, в отличие от Алки, печалился весьма умеренно, я бы сказала, чисто символически.

Я догадалась, что апгрейд Зяминой наружности произвел на Трошкину большое впечатление – чувствительная Алка подпала под обаяние образа мачо и затосковала.

– Может, тоже пойдем потанцуем? – предложила я.

– Это неприлично, – холодно ответила она, продолжая сверлить недобрым взглядом Зямину мускулистую спину.

Братишка снял пиджак, под которым была тонкая трикотажная футболка, отнюдь не скрывающая хорошо развитых бицепсов, трицепсов и прочих более или менее выдающихся украшений мужского торса в соответствующем анатомии ассортименте.

– Другие танцуют, а мы что, рыжие? – нажала я.

Трошкина посмотрела на меня с укором. Я поняла, что темы рыжины лучше не касаться, и дипломатично предложила подружке удалиться с поминальной тусовки, не дожидаясь традиционных пирожков. Это, конечно, тоже было неприлично, но я не видела никакого смысла в дальнейшем нашем пребывании на этом странноватом мероприятии. Я не смогла по достоинству оценить своеобразной красоты короля русского леса (я же не проктолог, чтобы любоваться гладкой розовой задницей!), так что никакого матримониального интереса к данному объекту у меня не возникло. А Зяма, похоже, и без моей помощи нашел замену почившей подружке Машеньке.

Когда мы с Трошкиной уходили из зала, приличествующая случаю умеренная народная скорбь окончательно усту-

пила место зажигательному веселью. Поддатые гости массово пустились в пляс, и над толпой танцующих веселой белочкой прыгал новый рыжий хвост моего братца.

3

Дома было тихо, но в кухне горел свет. Я подумала, что это папуля задержался в пищеблоке, сочиняя меню на завтра, и пошла к нему в трепетной надежде получить поздний ужин. Я люблю вкусно покушать и не отношусь к числу тех скучных особ, которые после шести вечера заклеивают рот пластырем, чтобы, не дай бог, не слопать по рассеянности пару-тройку вредных для фигуры кексов. По-моему, хороший кекс так же полезен, как добрый секс. Более того, я не мыслю себе одного без другого.

Увы, с кексом этой ночью у меня не сложилось (а на секс в отсутствие Дениса и вовсе никакой надежды не было) – доброго папули, который не затруднился бы сочинить для милой доченьки экстренное ночное питание, на кухне не оказалось. За обеденным столом, растопырив острые старушечьи локти, сидели бабуля и ее подружка Раиса Павловна Солушкина. Пожилые дамы пили слабенький чаек и при помощи мамулиного ноутбука вдохновенно играли на бирже. Моего появления азартные старушенции даже не заметили.

– Так! – строго сказала я, неслышно возникнув в дверном проеме. – Что тут у нас такое? Очередной сеанс безудержного поклонения золотому тельцу?

Бабуля с подружкой пристрастились к биржевым операциям недавно, но увязли в этом деле основательно. Прежде

предприимчивые старушки ограничивались разгадыванием кроссвордов и головоломок, которые наловчились щелкать, как орешки. Журналы, публикующие шарады, безответственно поощряли эту публику денежными призами, наши мозговитые пенсионерки постепенно склотили оборотный капитал и однажды скачкообразно перешли на совершенно новый уровень игры.

Сорвать куш бабуле пока не удалось, но и проигратся в дым она еще не сумела. Тем не менее горячей поддержки в лоне семьи наша маклерша не находит. Папуля считает, что ночными посиделками за компьютером она безответственно подрывает свое здоровье, мамуле не по душе нещадная круглосуточная эксплуатация ее любимого ноутбука, а я полагаю, что даме почтенного возраста подобает презреть стяжательство и широко транжирить накопления на путешествия в дальние страны, богатые культурными достопримечательностями и галантными кавалерами. Что до Зямы, то он, как эстет-практик, слишком высоко ценит непревзойденные качества самовязаных носочков из шерстяной пряжи ручного крашения, чтобы позволить бабуле отвлекаться на бессмысленные, с его точки зрения, биржевые операции. Тем более что она закупает там отнюдь не носки.

– Ой, Дюшенька пришла! – заюлила бабуля, тщетно пытаясь закрыть от меня монитор ноутбука. – А мы вот тут сидим, чайком балуемся, нам с Раечкой что-то не спится.

Я заглянула через ее плечо в монитор и поняла, что

бессонница нынче грозит не только старушкам-подружкам. Бабки изо всех сил скупали акции РАО ЕЭС и, если я правильно поняла смысл увиденного, собирались оставить не у дел самого Чубайса. Над страной нависла реальная опасность энергетического кризиса.

– Девочки, – встревоженно сказала я, – не играли бы вы с электричеством!

– Почему это? – обиделась Раиса Павловна. – Мы, Инночка, не глупее других!

– Не ворчи, Дюшенька, – льстиво попросила бабуля. – Лучше погляди на сложившуюся ситуацию с длинной опционной позицией и помоги нам советом!

– Вся власть советам, – буркнула я, не в силах признаться, что ничего не смыслю в опционах любой длины.

– Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны! – более или менее кстати процитировала Ильича эрудированная Раиса Павловна.

– Сдается мне, страну пора спасать, – пробормотала я, срочно соображая, как бы мне перевести энергию азартных подружек в мирное русло.

«А ты подбрось им ту троллейбусную шараду!» – посоветовал мне внутренний голос.

– И в самом деле! – Я обрадовалась своевременной подсказке. – Бабуля! Это не я, это ты должна помочь мне мудрым советом и употребить свой бесценный опыт заслуженного шелкунчика головоломок на разгадывание одной пре-

любопытнейшей загадки.

– Загадки?

Полуночницы насторожили ушки и заблестели глазками. Бабуля пробежалась пальцами по клавиатуре и выключила ноутбук. Чубайс мог сделать долгий облегченный выдох и объявить всеобщую демобилизацию: угроза захвата, нависшая над РАО ЕЭС, миновала.

Я вкратце, но со всей возможной таинственностью рассказала о загадочной надписи «Хочешь стать богатой – 2486!» и с удовольствием убедилась, что бабушки не на шутку заинтересовались новой задачкой. Я забрала у них ноутбук, оставила взамен свой мобильник с фотографией троллейбусной шифрограммы и отправилась спать.

Зяма той ночью домой не пришел, но это никого не встревожило.

4

– Да, опыт не пропьешь! – горделиво похвасталась Катерина Максимовна и одним глотком допила остывший чай.

Раиса Павловна согласно улыбалась и, придерживая левой рукой сползающие на кончик носа тяжелые очки, правой старательно набирала телефонный номер.

Многоопытным бабушкам понадобилось всего десять минут, чтобы догадаться, что четырехзначное число является номером абонента пейджинговой связи. Один телефонный звонок в бесплатную справочную службу позволил выяснить, что упомянутая связь хотя и захирела в связи с тотальным распространением более современной – сотовой, но все еще существует. Сонная барышня из горсправки выдала любознательным полуночницам контактные телефоны двух последних полуживых пейджинговых компаний, с намеком пожелала недреманным старушкам спокойной ночи и отключилась. Насчет спокойной ночи – это она промахнулась, азартные старухи спать не собирались.

– Ты уже звонишь? – спросила Катерина Максимовна и азартно потерла ладони.

Неожиданное интеллектуальное приключение оказалось интереснее буржуйской биржевой игры.

– Я уже звоню, – подтвердила ее подружка, прикладывая трубку к уху.

– «Телеком», слушаю, – без промедления отозвался оператор.

У него был усталый голос человека, который не ждет от жизни ничего хорошего. Раисе Павловне захотелось его чем-нибудь порадовать, но как-то не придумалось ничего подходящего.

– Э-э-э... Я хочу отправить сообщение абоненту номер два-четыре-восемь-шесть! – сказала она.

И забеспокоилась:

– Есть у вас такой?

– Диктуйте сообщение.

– Ага, диктую! – Раиса Павловна обрадовалась и показала Катерине Максимовне большой палец. Та в ответ сложила руки над головой и потрясла их в победном пожатии. – Диктую: «Хочу стать богатой. Как?»

– Это все? – Ко всему привычный оператор пейджинговой компании ничуть не удивился.

Впрочем, желание разбогатеть исторически в нашем отечестве никогда не относилось к числу оригинальных.

– Нет, не все! – сунувшись к трубке, сказала Катерина Максимовна за замешкавшуюся подружку. – Еще номер телефона.

– Только не мой! – очнувшись, жарко зашептала на ушко Катерине Максимовне Раиса Павловна. – Дед, если узнает, что я кому попало телефон раздаю, убьет!

Супруг Раисы Павловны, бывший высокий чиновник, а

ныне состоятельный пенсионер Валентин Иванович Солоушкин, демократичный стиль общения не приветствовал.

Катерина Максимовна кивнула, показывая, что понимает опасения подружки, и задумчиво выпятила губы. Ей тоже не хотелось давать свой домашний телефон, чтобы лишний раз не шокировать семейство не подобающей пенсионерке активностью. Кто его знает, когда именно позвонит абонент 2486, на кого напорется и каким будет рекомендованный им путь к богатству? Не дай бог, скользким вплоть до полного морального падения! Топографически совпадающим с панелями оживленных ночных улиц! Заслуженной учительнице Катерине Максимовне совсем не хотелось на старости лет погубить свою безупречную репутацию.

– Какой номер-то? – не дождавшись ответа, переспросил усталый оператор.

– Номер? Хороший номер, легкий, – ответила респектабельная бабуля Катерина Максимовна, поправила очки и взяла со стола мобильник, оставленный внучкой.

Лупиков сидел за столом и, нервно ерзая тапками по вытертому ковролину, в свете настольной лампы придирчиво разглядывал комок бело-розового пластилина. Покрутив его в руках так и сяк, он решил, что цвет не совсем тот, который нужен, и добавил к общей массе еще немного красного. Теперь комок снова нужно было долго мять до получения ровного розового тона. У Лупикова болели натруженные пальцы, горели ладони и ныли запястья, но он не обращал внимания на боль. Искусство требовало жертв.

Комок получился розовый, как молочный поросенок. Лупиков улыбнулся ему с нескрываемой приязнью, положил пластилин на доску, мягко накрыл его сверху ладонями и принялся раскатывать в колбаску. Он точно знал, каким должен быть ее диаметр, и мог, не глядя, на ощупь определить, пора ли заканчивать процесс.

Колбаска вышла замечательная, на диво ровная. Полюбовавшись ею несколько секунд, Лупиков взял стек и аккуратно разделил пластилиновую змейку на части. Начиналась тонкая художественная работа – собственно лепка.

Сначала Лупиков вылепил торс, особенно тщательно сформировав полушария грудей. Они должны были получиться отчетливо выпуклыми, но не тяжелыми, идеальными полусферами. Это была трудная, буквально изматываю-

щая работа, и Лупиков пролил семь потов, пока добился желаемого результата. Он очень устал, поэтому руки вылепил без большого старания, даже не стал формировать пальчики, ограничился тем, что расплющил концы отростков чисто символическими ладошками. Какими получатся руки, было не суть важно. Руки никакой роли не играли.

С головой Лупиков тоже не возился, черты лица не стал даже намечать, зато шею лепил усердно, без устали добиваясь совершенства. Шее следовало быть длинной, стройной, одновременно нежной, чтобы хотелось ее обнять, и крепкой, чтобы не сломалась раньше времени. Шею Лупиков лепил почти полчаса.

Глубоко за полночь он приступил к формированию нижней половины тела. Руками, дрожащими от усталости и возбуждения, Лупиков слепил тазовую часть торса и начал творить ноги. В какой-то момент его охватило беспокойство: хватит ли оставшегося пластилина, чтобы сделать ноги достаточно длинными? Он тщательно рассчитал количество материала, но ноги всегда желали забрать себе все резервы, и Лупиков никогда не мог им в этом отказать. Длинные ноги были его непреодолимой слабостью. К счастью, с ногами все сложилось наилучшим образом, пластилина в аккурат хватило, и Лупиков остался вполне доволен результатом.

Остался завершающий штрих, требующий навыков уже не скульптора, а стилиста. Лупиков отложил испачканный пластилином стек и взял в одну руку ножницы, а в другую ту-

гой золотистый локон. Его он с нежностью поцеловал и даже оросил одинокой слезинкой. Это был самый последний локон, других у него не осталось. Прикрепляя его к голове пластилиновой куклы, Лупиков чувствовал, что ему грозит разрыв сердца.

Однако разорвалось не сердце Лупикова, а глухая полночная тишь. Гневно затопало по полу колченогое трюмо, задрезжали на нем флаконы и фарфоровые фигурки собачек и пастушек. Лупиков оглянулся, не смея верить своим ушам. Глазам тем не менее он поверил. По полированному подзеркальному столику с сердитым гудением полз неожиданно оживший пейджер.

– Не может быть! – прошептал Лупиков и жадно потянулся к беспокойному прибору.

Экранчик пейджера успел запылиться. Лупиков спешно протер его пальцем, замаслил стекло пластилином, но все-таки сумел прочитать короткие строчки долгожданного сообщения: «Хочу стать богатой! Как?» – и далее одиннадцать цифр телефонного номера.

– Господи, спасибо тебе! – Лупиков истово перекрестился и от полноты чувств поцеловал пейджер.

Небеса не разверзлись, чтобы покарать его за богохульство, и счастливый Лупиков, сияя, как новый медный грош, вернулся к столу.

Пластилин, разогретый теплом его рук, немного остыл, золотоволосая куколка слегка затвердела. Лупиков положил

бессмертный пейджер так, чтобы держать его в поле зрения, перевернул пластилиновую куколку и соединил ее податливые ручки за спиной. Потом старательно связал их золотой ниточкой, снова перевернул куклу на спину, уложил поудобнее и пошел мыть руки с мылом.

Руки должны были быть чистыми.

Лупиков тщательно вымыл руки, промокнул их полотенцем, вернулся к столу, сел поудобнее, включил приятную музыку и только после этого потянулся за остро наточенным скальпелем.

Начиналось самое интересное.

6

– Рая, ты куда? – не открывая глаз, сонно пробормотал Валентин Иванович Солоушкин, услышав скрип половиц в прихожей.

За окном трясло розовой марлей раннее утро, бодро распевали пробудившиеся птички, но свободный от дел пенсионер не видел никакой необходимости следовать их доброму примеру.

– Я с собакой погуляю, ты спи, Валя, спи! – шепотом ответила из прихожей заботливая супруга Раиса Павловна, а потом тихо щелкнул дверной замок.

– Ладно, – согласился Валентин Иванович и перевернулся на другой бок.

Проснулся пенсионер спустя два часа, разбуженный долгим и настойчивым звонком.

– Рая, открой! – недовольно крикнул он.

Рая не открыла, звонок все не прекращался. Валентин Иванович неохотно слез с высокой кровати, сунул ноги в тапки, набросил на плечи халат и побрел в прихожую.

За дверью, обнимая белый стеклянный баллон, нетерпеливо переминалась молочница Аглая.

– Спишь, барин? – весело укорила она Валентина Ивановича, с рук на руки перегружая ему свою ношу. – А хозяйка где?

– Гуляет с собачкой, – сквозь зевок ответил Солоушкин, принимая баллон.

– О, вы собачку завели? – заулыбалась молочница. – Молодцы! Ну, я побегла, бывайте, до среды!

– До свиданья, – машинально ответил Валентин Иванович.

Тяжелый баллон норовил выскользнуть у него из рук. Солоушкин отнес его на кухню, поставил на стол и задумался, незряче глядя на пластмассовую крышечку с изображением улыбающегося Колобка.

В отличие от сказочного персонажа, Валентину Ивановичу было совсем не весело. Собачку они с Раисой Павловной хотели завести, но пока не выбрали. В связи с этим Валентину Ивановичу было очень интересно узнать, на какую такую прогулку усвистела его законная супруга? С какой собачкой?

– К какому кобелю? – конкретизировал вопрос не по годам ревнивый пенсионер.

И в благородной седине его аккуратной шкиперской бороды отчетливо заиграла зловещая синева.

Утро началось неважно. Бабуля, которой я ночью оставила свой мобильник, забыла мне его вернуть, а сама с утра пораньше куда-то убежала. Я осталась без сотовой связи. Этот факт меня сильно огорчил и одновременно дал моральное право публично озвучить гневный монолог, начинающийся со слова «доколе» и содержащий риторический вопрос: как долго безответственная бабуля будет беспрепятственно и бесконтрольно узурпировать полезные технические средства, принадлежащие другим членам семьи? Мамуля, которой бабуля позабыла вернуть ноутбук, с готовностью поддержала мой протест.

– Полагаю, пришло время для суровых мер, – выслушав нас, хмуро сказал папуля и одним резким ударом со свистом отсек от колбасного батона веревочный хвостик.

– Неужели настолько суровых? – мягкосердечная мамуля сразу же пошла на попятный.

– Предлагаю департацию! – сказала я и ловко выдернула из-под ножа аппетитный колбасный кружочек. – Выслать бабулю на дачу в Бурково! Там нет ни компьютера, ни Интернета, ни даже телефона, и она волей-неволей отойдет от дел.

– Будет гулять в лесу, дышать свежим воздухом, пить парное молоко! – воодушевилась мамуля.

– Алле, алле, кто меня слышит?! – человеческим голосом

на грани истерики воззвал ее мобильник.

Мамуля обожает нетрадиционные позывные и все время устанавливает на свой телефон звуки живой и мертвой природы. Это ее психованное «Алле, алле!» звучит еще неплохо. На прошлой неделе мобильник нашей великой писательницы то и дело раздражался басовитым сатанинским хохотом из арии Мефистофеля в исполнении Шаляпина. Вот это было акустическое шоу не для слабонервных!

– Я, я тебя слышу, – успокоила свой нервный аппарат моя родительница. – Алле?

– Басенька, это мама! – бодро отрапортовал мобильник не по возрасту звонким голосом бабули.

– Где ты, мама?

– Гуляю в лесу, дышу свежим воздухом!

Мамуля отстранилась от трубки, взглянула на нее с изумлением и недоверчиво спросила:

– Пьешь парное молоко?

– Какое молоко в лесу, Бася, ты в своем уме? – спросила бабуля. – Березы я тут доить буду, что ли? Ой, заработалась ты, доча, пора тебе отдохнуть. Не хочешь поехать на нашу дачу в Бурково?

– В сад, все – в сад! – захихикала я.

– Мама, что ты делаешь в лесу с моим ноутбуком? – строго спросила покрасневшая мамуля.

Я перестала смеяться и придвинулась к трубке, чтобы дополнить и расширить вопрос:

– И с моим мобильником?

– И еще с супругой Валентина Ивановича, – невозмутимо добавила бабуля. – Он, наверное, уже ее потерял. Я, собственно, затем и звоню, чтобы вы предупредили Солоушкина – с Раисой Павловной все в порядке, она со мной.

– Что как раз и означает, что с Раисой Павловной далеко не все в порядке! – не удержалась от шпильки мамуля, однако бабуля этой язвительной реплики не услышала, так как уже выключила трубку.

Я забрала у мамули телефон, посмотрела, с какого номера поступил входящий вызов, и тихо выругалась. Бессовестная бабуленция звонила с моего собственного мобильного!

– Не понимаю, что в ее возрасте можно делать в лесу! – возмутилась мамуля.

Папуля, успевший переместиться к сковородке с шкворчащей на ней яичницей, закаменел лопатками и сдавленным голосом поинтересовался тем возрастом, который мамуля устанавливает как предельно допустимый для непонятных дел в лесу.

Тут я должна сказать, что папулина страсть к мамуле является воистину шекспировской: он обожает свою супругу, как Ромео Джульетту, и ревнует ее, как Отелло Дездемону. Я не помню, чтобы мамуля когда-либо давала мужу по-настоящему серьезный повод для ревности, но папуля не пренебрегает даже самыми несерьезными поводами. Правда, ссоры родителей идеально подходят под определение «милые

бранятся – только тешатся».

Пока я умиленно созерцала предков, в прихожей хлопнула дверь. И тут же, словно по сигналу, на подоконник обрушился ливень.

– Кто-то пришел? – спросила мамуля, не поднимаясь из-за стола, уже накрытого к завтраку, и рассеянно глядя на побужавшие по оконному стеклу ручейки.

Папуля выглянул из кухни, посмотрел и лаконично сообщил:

– Наш сын.

– Зяма? – неразумно уточнила мамуля.

Разумеется, папулино лицо тут же потемнело до классического мавританского колера:

– У нас вроде один сын?

– У нас тоже! – заверила ревнивца мамуля, безмятежно хрупнув огурцом.

– У кого это – у вас?

В благородном венецианском семействе назревал скандал. Я оставила темпераментных предков выяснять отношения и пошла пообщаться с Зямой. Он отправился напрямик в свою комнату, но дверь запереть не потрудился, и я нахально к нему вломилась.

Братишка лежал на софе, как выброшенный на берег морж. Сходство усугублял серо-розовый костюм, изрядно помятый. Похоже было, что моржа в процессе выброса крепко побил о прибрежные камни.

– Ты задержался, – заметила я, выразительно посмотрев на часы.

– А ты ушла слишком рано и многое пропустила, – парировал Зяма.

– Похоже, что так! – согласилась я, рассматривая сердитую физиономию братца.

На одной его щеке краснели царапины, на другой наливался синевой обширный кровоподтек. На участках тела, закрытых одеждой, вероятно, тоже имелись повреждения: Зяма погладил свое пыльное колено и поморщился, потом потер бок и ойкнул.

– Твоя новая пассия оказалась садисткой? – доброжелательно поинтересовалась я.

Хмурое лицо братца чуточку повеселело.

– Моя пассия? Нет, это не она. – Зяма осторожно прикоснулся к царапине и скривился. – Меня били другие женщины.

Он потрогал фингал и угрюмо добавил:

– И мужчины.

– О! – уважительно протянула я. – Так это была групповуха?

– Вроде того. – Зяма осторожно сел, охнул и испытующе посмотрел на меня:

– Ты точно хочешь это знать, Индиана Джонс?

Это необычное обращение заставило меня понять, что дело серьезное. Лестным именем Индиана Джонс братец назы-

вает меня только в случаях, когда ему до зарезу нужна моя помощь. В иные времена я для него Дюха, Индюшка, Индуска и Индейка. Окрестив меня Индией, мамуля даже не догадывалась, что тем самым дарит Зямочке в пожизненное пользование прекрасный виртуальный тренажер для упражнения в остроумии!

– Сейчас сбегая за жилеткой! – пообещала я, но никуда не побежала, наоборот, поудобнее устроилась в кресле.

– Ну, тогда слушай, – зловеще молвил Зяма и без промедления начал плакаться в мою воображаемую жилетку.

По словам Зямы, он был нещадно и неоднократно бит на протяжении минувшей ночи, не ознаменовавшейся для него новыми романами. Это, конечно, было очень обидно. Зяма, в принципе, не возражает время от времени пострадать за любовь, он даже готов принять пару оплеух в кредит, в расчете на последующее погашение набежавшего долга с процентами, но в данном случае получилось совсем наоборот – это с него истребовали пеню.

– Чтобы человеку набили морду за связь с женщиной, которая уже умерла, – в моей практике такое случилось впервые! – возмущенно сказал он.

– Так это кто – Машенькин муж тебя отделал? – сочувственно спросила я.

– Ах, если бы! – фыркнул братец. – Положим, мужу я бы и сам накостылял! Нет, на меня набросилась чокнутая мужняя мать!

Я не сразу сообразила, что Зяма выдал не ругательство, а непростое для понимания на слух определение степени родства. Чтобы перевести его на нормальный человеческий язык, я потратила с десяток секунд:

– То есть тебя била свекровь покойной Машеньки? А за что?

– Боже, да ни за что! – Зяма порывисто всплеснул руками и смахнул с дивана подушку. Я подобрала ее (зачем добру пропадать!) и сунула себе под бочок. – Просто эта возрастная психопатка увидела, как я заглядывал Машеньке под юбку, и по этому поводу устроила жуткий скандал прямо на поминках!

– Долго же она ждала подходящего случая! – заметила я.

– Почему – долго? Всего несколько часов, – возразил Зяма.

Я задумалась.

– Как это – несколько часов? Машенька ведь умерла еще позавчера?

– Ну и что, что она умерла позавчера? А под юбку ей я заглядывал вчера, на кладбище! – высокомерно и раздраженно отвечивал он.

Тут я и вовсе обалдела.

– Зямка, ты что, чокнулся? Зачем ты залез под юбку мертвой подружке? – Я ахнула и прикрыла рот ладошкой. – Только не говори, что ты хотел попрощаться с ней в своей особой, фирменной манере! Братишка, если ты подался в сексуаль-

ные маньяки, я ничего не хочу об этом знать!

– Сама ты маньячка! – обругал меня Зяма. – Мой интерес к ногам покойницы не имел никакой эротической подоплеки! Я просто проверял, на месте ли родимое пятно.

Я молчала, не в силах выразить свои мысли и чувства словами, но взгляд мой был достаточно выразителен, чтобы побудить братца продолжать рассказ.

– Дюха, – Зяма тяжело вздохнул. – Может, ты заметила среди присутствовавших на кладбище одну такую худышку с шевелюрой фантазийного окраса в стиле «энимал»?

Профессиональная терминология художника не помешала мне узнать в описании тощую дамочку с колорированными «под тигра» каштаново-рыжими волосами. Я молча кивнула.

– Это была парикмахерша Машеньки, Ниночка Сигуркина, – объяснил Зяма. – Эта самая Ниночка подошла ко мне, когда я стоял у гроба, и сказала, что она укладывала Машеньку в последний путь. То есть делала покойнице укладку.

– То есть прическу. Но ноги-то тут при чем? – не выдержала я. – Что, ноги покойнице она тоже причесывала?!

– Ноги у Машеньки были не волосатые, – обиделся Зяма. – Ноги у нее были отличные, можно даже сказать, идеальные ноги! Даже родимое пятно их не портило.

– Родимый ты мой! – проникновенно сказала я, нечеловеческим усилием гася назревающую вспышку бешенства. – Я тебя сейчас тоже в последний путь налажу, то есть убью!

Ты чего мне голову морочишь? Какие ноги? Какое родимое пятно? Какая парикмахерша?!

– Вроде неплохая, – добросовестно подумав, ответил Зяма. – Я вспоминаю, что при жизни прическа у Машеньки была очень даже стильная, да и после смерти она выглядела вполне прилично. Сигуркина ее причесывала по завещанию.

Слов у меня уже вовсе не было, остались одни эмоции. Я молча подняла брови.

– Машенька в своем завещании отдельным пунктом указала неперемные условия организации ее похорон. Она в обязательном порядке потребовала гроб из древесины черного ореха, платье с валансьенскими кружевами и прическу «от Сигуркиной», – Зяма стойко выдержал мой изумленный взгляд и счел нужным между делом просветить меня:

– Между прочим, древесина черного лесного ореха считается очень полезной для здоровья!

– Мертвой Машеньке это здорово помогло! – пробормотала я тихо, чтобы не мешать рассказчику.

– Так вот, насчет Сигуркиной, – без помех продолжил Зяма. – Она Машеньку с полгода не обслуживала, у них там в великосветских кругах какой-то парикмахерский конфликт случился, и Сигуркину от VIP-персон отлучили, сослали причесывать средний класс. Но Машенька свою любимую мастерицу не забыла, в завещании упомянула, и Сигуркина, конечно, не отказалась в последний раз обслужить благодетельницу. Тем более Машенькин муж ей денег за это

дал. Но!

– Но? – Я активизировалась в предчувствии сюжетного поворота.

– Но есть люди, которые не умеют держать мысли под контролем и язык за зубами, сколько денег им ни заплати! – с нескрываемой досадой сказал Зяма. – И парикмахерша Сигуркина из их числа!

– Так. – Я поняла, что в сумбурном рассказе братца определенно назрела кульминация. – И что же ляпнула тебе болтливая Сигуркина?

Зяма угрюмо посмотрел на меня и с силой ударил кулаком по диванной подушке:

– Что покойница в гробу – не Машенька!

– А кто? – тупо удивилась я.

– Кто? – Зяма призадумался. – Не знаю, кто... Главное, что не Машенька! То есть это Сигуркина так решила, потому что отросшие корни волос у мертвой Машеньки были, по ее мнению, какого-то не того цвета и качества. А я решил эту информацию проверить со своей стороны, заглянул усопшей под гольфик и увидел, что приметное родимое пятно на месте. Значит, врет Сигуркина, что это не Машенька, это она самая и есть! Ерунда, в общем, полная.

Он в очередной раз потрогал синяк на щеке, покривился и добавил:

– Ерунда, но с последствиями. Хотя я и перекрасился для конспирации в рыжего лиса, но эта злая тетка, Машеньки-

на свекровь, на поминках меня все равно узнала, набежала и расцарапала морду с криком: «Ах, ты, подлец, мало ты с живой Машкой Семе рога наставлял, ты еще и к покойной под юбку лезешь!» А потом на крик и шум подоспел охранник рогоносца Семы, и тут уж начался настоящий кулачный бой...

– Тяжела ты, доля ловеласа! – не без ехидства посочувствовала я.

Потом вспомнила, что изначально у нас с Зямой предполагался серьезный разговор, и собралась с мыслями:

– А от меня-то ты чего хочешь?

– Помощи. С этой мегеры, Машенькиной свекрухи, станется ославить меня как нимфомана-некрофила, – Зяма в сердцах снова долбанул безответную подушку кулаком. – Глядишь, и до наших предков гнусный слушок дойдет. Помоги придумать, как мне оправдаться, если что!

– Чушь какая! – смешливо фыркнула я. – Забудь про Машеньку с ее родней – и все дела!

– Легко тебе говорить – забудь! – обиделся Зяма. – Между прочим, Машенькина царапучая свекровь – хозяйка литературного салона, в который наша муттер бегаёт по пятницам! Представляешь, чем может обернуться мой невинный интерес к ногам покойной Машеньки?

– Дестабилизацией финансовой обстановки и резким ухудшением морального климата в нашей семье! – опечалилась я.

– Поэтому, Дюха, думай, как в случае чего спасти фамильную честь Кузнецовых!

Хитренький Зяма переложил груз ответственности на мои хрупкие женские плечи и сразу же повеселел. Не буду скрывать, меня это здорово разозлило. Ему, значит, все прелести жизни в диапазоне от адюльтера до мордобоя, а мне сплошная головная боль? Во чужом пиру похмелье? Вроде мне больше заняться нечем!

– Я подумаю об этом завтра, – пообещала я словами литературной героини и пошла собираться на работу.

8

– Он не придет! – в десятый раз сказала Раиса Павловна, в двадцатый раз взглянув на часы.

Катерина Максимовна ответила подружке укоризненным взглядом. Ей уже надоело реагировать на метания Раисы Павловны, которая ужасно нервничала от того, что ушла из дома, не отпросившись у ревнивого мужа – его реакция на этот предосудительный поступок жены была вполне предсказуемой. Раиса Павловна заранее готовилась к строгому выговору и жалела, добрая душа, не себя, а Валентина Ивановича, которому в процессе грядущего скандала предстояло пережить массовую гибель нервных клеток. Катерина Максимовна, будучи старушкой вольнолюбивой и свободной от брачных уз, искренне считала всех ревнивых мужей домашними тиранами, не заслуживающими сочувствия со стороны угнетаемых ими масс.

– Катенька, давай уже будем возвращаться домой! – заняла угнетенная Раиса Павловна.

– Еще пять минут, – сказала неумолимая Катерина Максимовна и высунулась из кустов, чтобы поглядеть на дорогу.

По шоссе четыремя вереницами в двух направлениях тянулся разнообразный колесный транспорт. В город машины шли заметно медленнее, чем из него: в центре, как обычно в утренний час, были непробиваемые пробки. Небо над горо-

дом было низкое, сизое: с востока шла грозовая туча.

– Почему мы должны сидеть в кустах? – расстроенная Раиса Павловна начала капризничать. – Тут могут быть клещи, они нападают на нас за шиворот, и мы заболеем энцефалитом!

– Умрем и наконец перестанем мучиться, – хладнокровно добавила железная леди Катерина Максимовна, несколько не напуганная наскоро обрисованной трагической перспективой.

– А тебя-то что мучит, Катенька? – спросила Раиса Павловна, устыдившись своего эгоизма.

Катерину Максимовну мучило главным образом любопытство, но признаваться в этом она не захотела.

– Голову напекло, – буркнула она.

– Давай встанем вот там, под самолетиком! – Раиса Павловна обрадовалась возможности вылезти из осточертевших ей кустов.

Старый «Миг» на наклонном постаменте затенял своими крыльями часть вытоптанной лужайки на обочине шоссе. Старушки встали под самолетным брюхом и притворились, будто изучают надпись на мемориальной доске. При этом Катерина Максимовна продолжала бдительно косить глазами на дорогу и первой заметила приближающегося пешехода.

– Думаешь, он? – шепотом спросила Раиса Павловна.

– Сейчас узнаем!

Как гранату стиснув в кулаке внучкин мобильник, Катерина Максимовна забежала за пьедестал самолета и под при-

крытием военной авиации провела небольшую, но результативную разведоперацию. Пейджер на брючном ремне пешехода зажужжал, мужчина снял аппарат с пояса и поднес к глазам. Раиса Павловна незаметно ретировалась и присоединилась к Екатерине Максимовне в тылу стальной птицы.

– Сейчас начнет звонить! – шепнула та и подняла повыше мобильник, как секундомер.

Телефон, заранее лишенный голоса в пользу бесшумного режима вибрации, подал ожидаемый сигнал.

– Алле-о? – кокетливо протянула Катерина Максимовна, с разбегу войдя в образ.

– Катенька, здравствуйте, это Сергей! – деловито проговорил мужской голос. – Я уже на месте и жду вас с нетерпением!

– Ой, Сергей! – Катенька Максимовна артистично захлопала ресничками. – А я про вас совсем забыла!

– Так вы не придете на собеседование? – мужчина заметно огорчился.

– Ой, вы знаете, я сегодня так занята, так занята! Не продохнуть, столько всего навалилось! – прощebetала Катерина Максимовна и отпихнула навалившуюся на нее Раису Павловну. Та не стала придвигаться снова, но максимально вытянула шею, чтобы тоже слышать телефонного собеседника подружки. – Давайте мы с вами в другой раз встретимся, можно?

– Конечно, – голос в трубке совсем упал. – Когда вам будет

удобно? Советую не затягивать, конкурсный отбор заканчивается, и вакансия может закрыться в любой момент!

– Не буду затягивать, – пообещала коварная Катерина Максимовна. – Я вам завтра позвоню!

Она выключила телефон, спрятала его в карман и подтолкнула острым локтем подружку:

– Побежали, сядем ему на хвост!

Раиса Павловна предпочла бы сесть в попутную машину и уехать домой, но ей не хватило морального духа воспротивиться планам более энергичной подружки.

С самого начала операцией командовала Катерина Максимовна. Это она подбила Раису Павловну отправить провокационное пейджинговое сообщение абоненту 2486 и самолично приняла последующий телефонный звонок, в ходе беседы демократично назвавшись Катенькой.

Разговор с мужчиной, который представился распространным именем Сергей, показался умудренной опытом старушке очень подозрительным.

Сергей признался, что действительно знает способ быстро разбогатеть, и выразил готовность поделиться этой ценной информацией с «Катенькой» при условии прохождения ею собеседования. Разговорчивая старушка Катерина Максимовна ничего не имела против доброй беседы, но ее насторожило откровенное нежелание Сергея заранее сообщить суть предполагаемой высокооплачиваемой работы. Также сомнительным показались раннее время встречи – восемь утра –

и адрес офиса, географическое положение которого Сергей расплывчато описал словами: «В районе девятого километра, где самолет стоит, а дальше я вас проведу, вы сами не найдете». То, что таинственный путь к богатству пролегает в непосредственной близости от проезжей дороги, только усугубило подозрения Катерины Максимовны.

– Небось проституток вербует, гад! – убежденно сказала она, закончив разговор со скользким типом Сергеем.

– Наверняка! – кивнула Раиса Павловна. – Иначе с чего бы ему интересоваться твоей внешностью?

– Сто-шестьдесят-девяносто, рост сто восемьдесят сантиметров, длинноволосая платиновая блондинка с голубыми глазами! – Катерина Максимовна с удовольствием повторила описание внешности «Катеньки», беззастенчиво позаимствованное ею у родной и любимой внучки Индии.

От себя бабуля добавила только платиновую блондинистость, более или менее точно передающую цвет ее благородных седин.

Решение вывести подозрительного Сергея на чистую воду пожилые дамы приняли коллегиально, но, увидев предполагаемого вербовщика проституток воочию, Раиса Павловна утратила твердость намерений.

– Может, спрыгнем с его хвоста? – робко предложила она, когда они благополучно завершили падением в кусты первую короткую перебежку по следам удаляющегося Сергея. – Похоже, гроза начинается, и вообще... Не похож муж-

жик на сутенера. Жалкий он какой-то, невзрачный, совсем заурядный!

– Много ты видела сутенеров! – Катерина Максимовна фыркнула с таким пренебрежением к жизненному опыту подруги, словно сама все семьдесят с гаком лет только на сутенеров и любовалась. – Чтоб ты знала, криминальная личность как раз и должна выглядеть вполне заурядно, чтобы бесследно теряться среди законопослушных граждан! Отдыхалась? Бе-гом!

Она дернула Раиса Павловну за руку и с ускорением потащила подружку сквозь густые заросли дикой мяты.

– Катенька, но как долго мы будем за ним следить? Я устала, и мне домой нужно! – захныкала раскрасневшаяся от физкультурных упражнений на свежем воздухе Раиса Павловна, страстно обняв чешуйчатый ствол каштана на краю лесополосы.

– Зачем тебе домой? – с досадой спросила ее Катерина Максимовна, не отрывая взгляда от рубашки Сергея, мелькающей между древесных стволов.

– Мой супружеский долг... – с пафосом начала Раиса Павловна.

– Он меркнет в сравнении с твоим гражданским долгом! – оборвала ее сознательная подружка. – Разве ты не понимаешь, что мы просто обязаны проследить за этим растленным типом и найти гнездо разврата!

– А что потом? Что мы будем делать, если найдем его? –

Раиса Павловна заметно напряглась.

Одна мысль о том, что скажет суровый муж Валентин Иванович, если узнает об их поисках гнезда разврата, привела ее в трепет.

– Мы его разворошим! – твердо сказала нестигаемая Катерина Максимовна.

– Вручную? То есть сами, вдвоем? – Раиса Павловна уперлась, противясь попыткам подружки увлечь ее в глубь лесополосы. Разорение каких бы то ни было гнезд не интересовало ее даже в детстве. – Я лично не хочу ничего такого ворошить! И вообще, с чего ты взяла, что Сергей идет в притон? Может, он просто устремился в лесок по малой нужде!

– Ладно, давай еще постоим тут немного, – Катерина Максимовна слегка сбавила обороты. – Малая нужда – дело святое. Не говоря уж о нужде большой...

Они немного постояли, отдыхая, и правильно сделали: не прошло и минуты, как Сергей показался снова. Петля между стволами, он бежал, спотыкался и часто оглядывался.

– Не похоже, что он ходил по нужде! – пробормотала Раиса Павловна, быстро присев в мятные кущи.

Катерина Максимовна без задержки приземлилась рядом с ней и согласно шепнула:

– Да, гораздо больше похоже, что гнездо разврата кто-то уже разворошил до нас!

Клетчатый Сергей, путаясь в траве, на высокой скорости прошуршал мимо затаившихся в зарослях пожилых следо-

пыткок в сторону дороги. Едва он скрылся из виду, как неугомонная Катерина Максимовна поднялась и резво потрусила в лесок. В небе, успевшем потемнеть, пугающе громыхнуло.

– Куда ты снова, Катя? Зачем тебе туда?! – в сердцах вскричала Раиса Павловна.

– Хочу понять, почему он побежал!

Бывшая учительница Раиса Павловна, всю свою сознательную жизнь прославлявшая и даже культивировавшая в окружающих неумную тягу к знаниям, с сожалением подумала, что предел любознательности некоторых людей может положить только их физическая кончина.

И как накликала!

Катерина Максимовна, далеко опередившая подружку в беге по пересеченной лесной местности, встретила ее встревоженным окриком:

– Раиса, стой! Не смотри туда, тебе будет плохо!

К сожалению, Раиса Павловна тоже не чужда была опасному любопытству. Конечно, она посмотрела туда, куда не надо было смотреть. И, конечно, ей стало плохо.

Но ведь мало кому стало бы хорошо при виде ухоженных женских ножек, торчащих из серой цементной глыбы!

К моему великому изумлению, в офисе меня ждал конвертик с зарплатой. Получив его из рук нашей бухгалтерши Кати, я испытала противоречивые чувства. С одной стороны, порадовалась, что на некоторое время вновь обрела материальную независимость от родных и близких. С другой стороны, огорчилась, что мне не представился случай испытать на Брониче чудодейственное заклинание про падучий тугрик. А Катя, глядя на меня, решила, что я недовольна суммой зарплаты, и решила подбодрить:

– Не расстраивайся, Инночка, тебе Чемоданов обещал дать персональную премию!

– За что это? – удивилась я.

Андрей Петрович Чемоданов – наш рекламный директор. Как все коммерческие деятели, он питает чрезмерное почтение к денежным знакам. Когда мы с Андреем Петровичем стоим рядом в очереди в буфете, мое большое доброе сердце всякий раз обливается кровью. Чемоданов с самой маленькой копеечкой расстается так трудно, что я буквально слышу невысказанный им душевный крик: «Увы, мы не свидимся боле!» – и печальные аккорды марша «Прощание славянки».

– Директору «Мегадента» очень понравилась твоя реклама зубной клиники.

– Правда? – не поверила я. – И чем же она ему понрави-

лась?

– Четким разделением понятий: либо вы слабоумный идиот, либо пациент клиники «Мегадент», – улыбаясь, объяснила Катя. – Получается, что принадлежность к числу пациентов клиники является гарантией хороших умственных способностей. Двойная реклама! Этот мегадентовский босс даже пообещал нам новый заказ.

– Чур меня! Свят, свят, свят! – отшатнулась я.

– Зачем ты так? – обиделась Катя.

Катерина у нас барышня не в меру восторженная и до отвращения патриотичная. Готова жизнь положить за фирму! Простое слово «работа» она произносит так, словно в нем все буквы – заглавные. Когда я слышу Катины прочувствованные речи на тему верного и безупречного служения родной конторе, мне хочется специально для нее заказать в агентстве сувенирной продукции шелковое знамя с логотипом «МБС» – большое, как те флаги, которыми в Америке накрывают гробы национальных героев. А порой мне даже хочется сделать так, чтобы этот флажок Катерине поскорее пригодился.

– Я понимаю, что в нашем рекламном деле без доли цинизма не обойтись, – голосом пионерской звеньевой сказала Катя. – Но стеб убивает талант, а глумливый смех опустошает душу. Я считаю, что к РАБОТЕ нужно относиться с уважением. РАБОТА, какой бы она ни была, нас кормит!

– Поит и спать укладывает, – согласилась я и зевнула.

Меня неудержимо клонило в сон, что вполне могло объясняться кислородным голоданием: в офисе было душно и жарко – жадина Бронич так и не установил кондиционер.

При виде проявленного мною вопиющего отсутствия трудового энтузиазма Катюха снова надулась, и я уже приготовилась извиняться, рассказывая, как много сил отняла у меня РАБОТА над шедевральной рекламой «Мегадента», но тут, на мое счастье, раздался телефонный звонок.

– Тебя, – дуя губы, сказала Катя.

Я с готовностью взяла трубку.

– Ты ли это, любовь моя? – печальным голосом Пьеро спросил Максим Смеловский.

– Я, я, натюрлих! – бодро отозвалась я.

Мы с Максом старые друзья, еще с институтских времен. Сколько я помню Смеловского, он всегда умел найти повод для вселенской тоски на ровном месте. Для мировой скорби Максимум вполне достаточно подгоревшей яичницы или неровно обрезанного ногтя на мизинце. При этом он с подкупающей готовностью может перейти от вековой печали к бурной радости – такая вот эмоциональная у человека натура. Эту самую натуру во всех ее душевных и физических проявлениях Смеловский без устали жаждет вручить мне в качестве свадебного подарка, но я его матримониальные планы не одобряю. Зачем портить хорошую дружбу плохим браком?

– Инна, дорогая, спаси меня! – с надрывом воззвал Макс.

– От чего на этот раз? – поинтересовалась я.

Обычно я с удовольствием избавляю Макса от переизбытка денег и разнообразных культурно-развлекательных бонусов, которые он получает как звезда местного телевидения. На сей раз я тоже не отказалась бы от бесплатного маршброска по модным ночным клубам, которые не навещала преступно долго – с неделю, наверное. Вчерашняя похоронная тусовка не в счет, для меня, в отличие от Зямы, она была недостаточно зажигательной.

– Нужно сделать стилистическую правку текста с целью более полного соответствия содержащегося в нем посыла адресной аудитории, – заумно ответил Макс.

– Это нам как раз плюнуть. А кого нужно послать и куда?

– Ах, Инна! – Смеловский вздохнул, как больная корова. – Порой мне трудно поверить, что мы с тобой вместе учились на филологическом факультете!

– Просто ты больше увлекался теорией социолингвистики, а я практикой межличностного общения, – я поднапряглась и выдала по случаю пару незабываемых терминов.

Но переплюнуть Макса мне не удалось.

– Да, да, я помню, структурно-семиотические подходы тебя интересовали крайне мало, – грустно сказал он. – Ты всегда была нацелена на реализацию функционально-коммуникативных актов!

– Но не с кем попало! – уже почти обиженно напомнила я. – Вот с тобой, например, у нас до настоящего функцио-

нально-коммуникативного акта так и не дошло!

– Увы мне! – Смеловский снова вздохнул.

Потом ему, видимо, надоело страдать, и он уже другим голосом спросил:

– Так ты поможешь мне с текстом? Прибегай в кафе на углу, я угощу тебя коктейлем «Аста ла виста», мятным салатом и блинчиками с миндально-клубничной начинкой в апельсиновом соусе!

Чувствовалось, что Макс уже ознакомился с новинками меню.

– Ты читаешь с листа? – догадалась я и сглотнула слюнки. – Очень выразительно получается! Уговорил, бегу.

Катя поняла, что я собираюсь досрочно покинуть офис, и посмотрела на меня с великим укором – как смертельно раненный Цезарь на подлого предателя Брута. Я положила телефонную трубку, развела руками и одними губами с преувеличенной артикуляцией сказала коллеге-трудоголичке:

– РА-БО-ТА!

Поскольку соблазнительных речей Макса про коктейль с блинчиками Катерина не слышала, уличить меня во лжи она не смогла.

На улице было жарко, но не так душно, как в офисе, приятный легкий ветерок живо сдул с меня сонливость. До кафешки на углу я добежала за две минуты (очень хотелось блинчиков с миндалем). Я бы и быстрее добежала, но тонкие каблучки босоножек предательски увязали в размягчив-

шемся асфальте. Стремительная летняя гроза, прокатившаяся через город поутру, не убила африканскую жару.

Макс ждал меня за столиком на открытой веранде, а обещанные блинчики с коктейлем и салатом – непосредственно на столе.

– Привет, как дела? – приличия ради спросила я, падая на плетеный стул.

– Плохо, – как и следовало ожидать, ответил великий пессимист Смеловский. – Представляешь, я сегодня перепутал силлогизм с примером категорической подчиненности!

– Жуть, – сказала я и вонзила нож и вилку в золотистый блинчик.

Подробно расспрашивать приятеля о его проблемах не было никакой необходимости. Я не сомневалась, что Макс не затруднится высказать на меня все детали не сложившегося конструктора своей жизни. Так и случилось.

С аппетитом уничтожая вкусную еду, я узнала, что текущую действительность господину Смеловскому омрачает главным образом работа над новой телевизионной программой «Правда-матка». Тонкой душевной организации Максима претила сама идея передачи, фальшивой от начала и до конца.

– Загнать в студию полдюжины неуравновешенных типов, которые на глазах у тысяч телезрителей будут скандалить, истерить, выяснять отношения и призывать в третейские судьи ведущего, профессионального психолога и съемочную

группу! Какая откровенная липа! – возмутился Смеловский, от волнения изменяя академической манере речи. – Все истории выдуманнные, все персонажи фальшивые, а мораль вообще не мораль, а совсем наоборот! Публичная стирка грязного белья и массовое валяние в грязи! Я не могу квалифицировать это иначе, как развратные действия в отношении широкой зрительской аудитории! Сплошная чернуха, порнуха и...

Макс замолчал, растеряв все слова.

– И никакого нравственного катарсиса! – услужливо подсказала я.

Это произвело впечатление. До Максима дошло, что его бурное негодование выглядит комично, и он перестал пыжиться. Я воспользовалась моментом, чтобы хлебнуть вкусного клубничного напитка и спросить:

– Но хоть какие-то плюсы у этого мероприятия есть?

– Ну... В коммерческом смысле проект весьма перспективный, – неохотно признался Макс. – Его финансирует немецкая компания, так что бюджет у шоу приличный.

– Значит, тебе за это вопиющее безобразие хорошо заплатят, – подытожила я и промокнула губы салфеточкой. – Короче, чем я-то могу тебе помочь?

Макс вытащил из-под стола портфель, из портфеля папку, а из папочки пачку бумажек.

– Вот тут у меня монолог гостя в студии, посмотри.

Я посмотрела, увидела заголовок: «Толян, 25 лет, типич-

ный низколобый браток» – и первую фразу: «Ну, это... Я могу, конечно, завалить того козла, о чем базар. Не вопрос!» – и одобрительно кивнула:

– Точно, монолог братка.

– Тебе правда нравится? – тревожно спросил Макс. – Думаешь, низколобые братки именно так и говорят?

Я не стала спрашивать, почему он интересуется моим авторитетным мнением. Многие знакомые считают, будто продолжительная и тесная связь с экспертом-криминалистом и дружба с начальником отдела по борьбе с организованной преступностью автоматически делают меня внештатным специалистом по браткам. Объяснять, что капитан Кулебякин частенько делит со мной постель, но никогда – профессиональные секреты, мне уже надоело. Однако погнать Макса с его бестактным вопросом куда подальше было бы некрасиво. Особенно после того, как я съела всю еду, и до того, как он расплатился по счету.

– В общем, да, примерно так они и говорят, – ответила я.

Но Смеловский явно ждал продолжения, так что пришлось мне расстараться и дать ему полезный совет:

– Я бы еще посоветовала расставить в тексте монолога неопределенные частицы «мля». А то как-то не аутентично звучит!

– Гениально! – обрадовался Макс. – Я же чувствовал, что чего-то такого не хватает! Спасибо тебе, дорогая!

– Не за что, – сказала я, поднимаясь из-за стола. – Всегда

пожалуйста! Будет нужно – звони!

Осчастливленный Смеловский остался расплачиваться с официантом, а я неторопливо пошла в офис. После вкусного обеда мое мироощущение существенно улучшилось, жизнь казалась вполне прекрасной, и никаких особых подлостей я от нее не ожидала.

Напрасно!

У дверей конторы меня поджидал Зяма. На воплощение жизненных подлостей мой единокровный браток не тянул, даже будучи слегка побитым и поцарапанным, но его неожиданное появление могло быть недобрым знаком. Вообще-то мы с Зямой никогда не были дружны, как попугайчики-неразлучники. Наше братание (сестрение?) обычно имеет вынужденный характер и происходит главным образом в минуту бед и тяжелых испытаний. И одновременно с этой годиной заканчивается.

В общем, я слегка обеспокоилась.

Зяма стоял на крылечке, горделиво подбоченясь на виду у заинтересованно поглядывающих на него прохожих девиц и серьезно рискуя получить по спине внезапно распахнувшейся дверью. Вероятно, в ходе ночной драки по спине его не били, и Зяма подсознательно жаждал исправить это досадное упущение. Я подошла поближе, жестом пригласила позера сойти с пьедестала и только после этого сказала:

– Привет. Ты ко мне? С чего бы это?

– Я не столько к тебе, сколько за тобой, – сказал братец,

длинным и клейким, как язык лягушки, взглядом слева направо сопроводив проплывающий мимо загорелый бюст.

– А чего не позвонил?

– На счету ноль рублей ноль копеек! Куда только деньги деваются, не понимаю! – Зяма удивленно повертел головой, заодно отследив перемещение в разных направлениях сразу двух фигуристых девиц. – Ты-то где пропадаешь? Бабуля тебя потеряла, уже с милицией ищет.

– С чего бы это? – повторила я. – Это не бабуля меня, это я ее должна искать с милицией! Ты в курсе, что наша неугомонная старушка-огневушка увела у меня мобильник?

– Потому и не может тебе дозвониться!

Зяма похлопал ладонью по сиденью своего скутера:

– Садись, прокатимся!

Я девушка не закомплексованная, на лимузинах и кабриолетах не зацикленная. Могу и на скутере прокатиться, если надо. Мне только прическу испортить не хотелось, поэтому я категорически отказалась от шлема, предложенного Зямой. Впрочем, волосы все равно растрепались на ветру.

– Куда ты меня привез? – сойдя с братишкиного мотоционька-горбунка, я прищурилась на потемневшую от времени вывеску на фасаде изрядно обветшалой двухэтажки времен расцвета кубанского купечества. – Что тут у нас? Филиал краеведческого музея?

– Почти! – Зяма хмыкнул и открыл передо мной тяжелую резную дверь. – Тут у нас райотдел милиции!

– Ой! А зачем мне сюда? – Я в растерянности остановилась посреди полутемной прихожей.

– Затем, что тут тебя ждет следователь Красиков Иван Иванович! – Зяма по-свойски кивнул дежурному милиционеру за пасторальным деревянным заборчиком, протолкнул меня дальше в темный коридор и довел до двери, украшенной табличкой с уже озвученным ФИО. – Тебе сюда! Желаю удачи!

Дверь за моей спиной скрипнула и стукнула. Тощенький лысоватый молодой человек в сиротской белой футболке – надо полагать, упомянутый следователь Красиков – поднял глаза от заваленного картонными папками стола и устремил блуждающий взгляд сквозь очки в мою сторону (плюс-минус пятнадцать градусов).

– Здравсьте. Я, кажется, к вам, – сказала я, приседая в символическом книксене, и вежливо представилась: – Я Индия.

– Индия, – задумчиво повторил следователь Красиков, после чего снял свои очки, неспешно определился с направлением взгляда и сфокусировал его на уровне моих ключиц.

– Кузнецова, – добавила я, ибо знаю, что упоминание одного моего имени, без фамилии, нередко вызывает у свежего человека некий географический коллапс.

– Кузнецова, – повторил Иван Иванович с прежней задумчивой интонацией.

Тогда я сказала еще:

– Борисовна.

И больше ничем не могла ему помочь.

Товарищ Красиков основательно проморгался, проехался взглядом с крутой выпуклости моего бюста до мысков модельных босоножек, смущенно покраснел и спросил с необыкновенной для следователя задумчивостью:

– А вы, девушка, по какому вопросу?

Тут мое терпение закончилось.

– Да ни по какому! Зашла попрощаться, – с досадой сказала я, повернулась и дернула дверь.

В коридоре, загораживая узкий проход своими широкими плечами, высился Зяма.

– Дюха, ты куда? – удивился он. – Уже побеседовали? Надо же, а бабку нашу тут целый час мариновали!

За моей спиной в кабинете раздался тихий хлопок – то ли заторможенный следователь Красиков подобрал отпавшую челюсть, то ли шлепнул себя по намечающейся лысине.

– Одну минуточку, девушка! – услышала я. – Насчет бабки... Так вы внучка?

– А кто ж еще? – огрызнулась я. – Репка, что ли?

– Тогда попрошу присесть! – мягкий голос Ивана Ивановича неприятно одеревенел.

Я беспомощно взглянула на Зяму. Он развел руками, нараспев провозгласил:

– Посадил мент внучку! – и некультурно захлопнул дверь кабинета.

Делать было нечего, я нехотя развернулась, проследовала

к указанному мне стулу и присела. В чем я провинилась и чего от меня хочет следователь, было непонятно, но на всякий случай я решила подстраховаться и заранее обеспечить себе какую-то защиту. И с этой целью в первую же свою фразу непринужденно ввернула звучное имя проверенного милицейского товарища:

– Итак, я Индия Борисовна, пока что Кузнецова, но скоро буду Кулебякина. А вы, случайно, не знакомы с капитаном Денисом Кулебякиным, ведущим экспертом-криминалистом ГУВД края и моим будущим мужем?

Я от души надеялась, что наш разговор не записывается. Капитан Кулебякин, попади ему в руки такая улика, как мое чистосердечное признание его своим будущим мужем, немедленно организует пожизненное заключение в своих объятиях!

– Кулебякин? Наслышан, – ответил следователь и, как я и ожидала, подобрел.

Во всяком случае, вопрос его показался мне совершенно невинным:

– Вы каким троллейбусом на работу добираетесь, Индия?

– Девяткой, а что? – ответила я, откровенно недоумевая, каким боком касаются следователя мои транспортные проблемы?

– Девяткой, – повторил Иван Иванович, а потом записал эту бесценную информацию на бумажке. – И этот снимок вы в девятке сделали?

На краешек стола, у которого я притулилась, как скромная сиротинушка, легла свежая фотография фрагмента пластикового потолка с отчетливо видимой надписью: «Хочешь стать богатой – 2486!»

– Вы сделали фотку с моего мобильного? Ух, ты! Здорово получилось! – восхитилась я. – А свиношек не распечатали? У меня там в «Моих картинках» такие поросятки сфотканы славные, просто душечки, они та-ак нежно целуются!

Тут я по выражению лица следователя поняла, что поросычья эротика его не очень интересует, во всяком случае, в данный момент, и потому вернулась от аморального свинства к вполне нравственной теме троллейбусной каллиграфии:

– Вы ищете тот расписанный троллейбус?

– Мы ищем того, кто его расписал.

– А зачем?

Этот простой и естественный вопрос Ивана Ивановича почему-то затруднил.

– Ну... Должны же мы кого-то искать! – подумав, несколько неуверенно сказал он.

– Логично! – горячо одобрила я. – Милиция всегда кого-то ищет!

Некоторое время мы с товарищем Красиковым преувеличенно доброжелательно смотрели друг на друга. Мое терпение иссякло быстрее, а с ним испарились и хорошие манеры.

– Короче, в чем дело? – не выдержала я.

Дело оказалось серьезное, серьезнее некуда, – об убийстве! Ахая и охая, я выслушала скупой рассказ Ивана Ивановича о том, как наша бабуля с Раисой Павловной искали в лесочке встречи с автором троллейбусного послания, а нашли мертвую женщину.

– Кто она? Я ее знаю? – спросила я.

– Было бы здорово, – сказал следователь и тихо вздохнул. – Боюсь, узнать, кто она такая, будет очень непросто. Вся надежда только на вашего будущего мужа и его коллег-экспертов.

О работе Дениса Кулебякина и его коллег-экспертов я знаю главным образом из детективных романов и бульварных газет, которые неумолимо муслируют подробности жутких преступлений и кошмарных ЧП. Я с дрожью вспомнила пугающие сюжеты и по возможности осторожно сформулировала вопрос:

– Видимо, в лесополосе нашли не все? Не целое тело, я имею в виду?

– Нет, тело-то нашли все, но вместе с ним нашли еще два центнера застывшего цемента, – скучно ответил следователь. – И тело неизвестной женщины нашлось как раз внутри глыбы, снаружи остались только фрагменты.

– А...

Я открыла рот и замолчала. Это что же такое должно было остаться снаружи, чтобы стало ясно, что внутри мертвая женщина?! Спросить я постеснялась, но многоопытный сле-

дователь угадал не прозвучавший вопрос и любезно ответил:

– С одной стороны глыбы торчали пальцы ног со свежим педикюром, с другой – крашеный локон.

– Уже кое-что! – приободрилась я. – По лаку и краске есть мизерный шанс выйти на педикюршу и парикмахершу! Какого цвета локон?

– В природе такой бывает только у тигров.

– Что?!

Я снова потеряла дар речи. Слова «тигровый локон» и «парикмахерша» соединились в моем сознании так естественно, что я зримо увидела недавнюю картину: вот Зяма с гвоздичками наперевес стоит у гроба, а рядом с ним нервно переминается и что-то таинственно шепчет тощенькая дамочка с волосами, затейливо и сложно окрашенными «под тигра». Как это называл мой брат-дизайнер? «Колорирование в стиле „энимал“! Мгновенное озарение оформилось в страшное подозрение: да уж не парикмахершу ли Сигуркину нашли в лесополосе?

«Погоди, не горячись! – окоротил меня мой внутренний голос. – Мало ли на свете баб с крашеными волосами?»

«С такими – мало!» – уверенно ответила я, конечно, мысленно: привлекать к обсуждению темы следователя Красикова мне по некоторым причинам совсем не хотелось.

Дальнейшее наше общение с Иваном Ивановичем прошло сумбурно и при минимальном моем участии. Он еще что-то спрашивал, я односложно отвечала, потом подписала ка-

кую-то бумажку, попрощалась, вышла за дверь – и все это на автопилоте. Только на крыльце райотдела, увидев неподалеку Зяму, восседающего на своем скутере в гордой позе легенды Дикого Запада – ковбоя Буффало Билла, я обрела своеобразную живость.

– Что, все? – спросил братец, при моем появлении гостеприимно потеснившись на сиденье.

– Какое там – все! – Я с разбегу запрыгнула в седло. – Трогай! Уберемся отсюда подальше – я тебе такое расскажу! Закачаешься!

Зяма качнулся заранее, снял скутер с подножки, и мы тронулись.

– Да ты не просто тронулась, ты совсем свихнулась! – орал на меня братец пятнадцать минут спустя, бегая кругами по виноградной беседке во дворе нашего дома. – С чего ты взяла, что убили Сигуркину? Почему обязательно Сигуркину? Что, в миллионном городе больше убить некого? Да кто она такая? Простая парикмахерша! Где это слыхано, чтобы простых парикмахерш закатывали в цемент? Чтобы убить кого-то таким образом, нужны очень веские основания!

– Нужно двести кило цемента! Что, собственно, и дает в результате очень веское основание, – сказала я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Зяма сбился с шага, остановился, всплеснул руками и вскричал:

– Как ты цинична!

– И это говорит человек, шаривший под юбкой у покойницы! – хладнокровно парировала я.

Братишка хлопнул глазами, скривил губы, бухнулся рядом со мной на скамейку, пару раз дернул себя за вихры и сказал:

– Ладно, давай поговорим спокойно. Если ты думаешь, что убитая женщина – парикмахерша Сигуркина, почему не поделилась своими мыслями со следователем?

– Ага, нашел дурочку! – Я покрутила пальцем у виска. –

Знаешь, какая у ментов солидарность? Думаешь, я хочу, чтобы Красиков рассказал обо всем Денису? Кулебякин, когда узнает, что меня к следователю вызывали, обязательно поинтересуется темой нашей беседы. Красиков ему все выложит, и как я потом объясню Кулебякину, зачем мы с тобой поперлись на поминки в ночной клуб?

– А вот, кстати, – зачем мы туда поперлись? – запоздало поинтересовался братец.

Я посмотрела на него с жалостью: увы, слабоумие не лечится, Зяма обречен!

– Мы пошли в «ночник», чтобы завести перспективные знакомства! – по слогам, как совсем тупому, сказала я. – Тобой, неотразимый ты наш, живо заинтересовалась гламурная красотка Дашенька, а мне по бартеру мог обломиться «русский лес».

– Одеколон, что ли?

– Сам ты одеколон! Лесной король юга России! – Тут я вспомнила этого самого короля и быстро остыла. – Впрочем, на этот «русский лес» не позарился бы даже голодный жук-короед. Сей господин оказался таким уродом, что мне стало все равно, кто он – лесной король русского юга или наследный принц африканской сельвы...

– Что ж, я понял. Ты побоялась, что Денис узнает о твоей готовности махнуть его на богатенького Буратино! – с покоробившей меня прямоотой молвил Зяма. – Ладно, не будем муссировать эту скользкую тему. Предлагаю забыть

о похоронах, поминках и всяческой бредятине в диапазоне от неподтвердившихся подозрений Сигуркиной до провалившейся компании по скоростному освоению тобой отечественных лесных угодий!

Я минуту подумала, взвешивая все «за» и «против», и предложила компромисс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.